

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

САБАНОВА Ксения Александровна

Выпускная квалификационная работа

«МЯГКАЯ СИЛА» ТРЕТЬЕГО РЕЙХА
«SOFT POWER» OF THE THIRD REICH

Направление 41.03.05 – «Международные отношения»

Основная образовательная программа бакалавриата «Международные отношения»

Научный руководитель:

к.и.н., доцент

ВЛАСОВ Н.А.

Рецензент:

к.и.н., доцент

ГУРЬЕВ Е.П.

Санкт-Петербург

2018

Содержание

Введение	2
1. Основные положения концепции «мягкой силы»	9
1.1. Концепция Дж. Ная.....	9
1.2. Эволюция концепции «мягкой силы»	14
1.3. Проблема соотношения понятий «мягкая сила» и «пропаганда»	23
2. «Мягкая сила» во внешней политике Третьего Рейха	27
2.1. Общая стратегия и организация внешней политики	27
2.2. Создание привлекательного образа Германии.....	32
2.2.1 Роль СМИ и кинематографа в создании привлекательного образа Третьего Рейха	33
2.2.2 Образование как источник привлекательности Третьего Рейха	38
2.3. Распространение образа «новой Германии» среди мировой общественности	45
3. Олимпийские игры 1936 года как инструмент «мягкой силы».....	53
3.1. Организация Игр.....	54
3.2. Роль СМИ в освещении Олимпийских игр	58
3.3. «Берлинская инсценировка»	61
3.4. Отражение событий Олимпиады в фильме «Олимпия».....	66
3.5. Влияние берлинской Олимпиады на мировую общественность	67
Заключение.....	70
Список использованных источников и литературы.....	73

Введение

Концепция «мягкой силы», описанная Джозефом Наем, стала ответом на те изменения, которые произошли в международной системе на рубеже XX-XXI веков, и вскоре заняла место в научном и политическом дискурсе. В начале XXI века «мягкая сила» как способность заставлять других хотеть того же, чего хотите вы, с помощью привлекательности, стала одним из значимых компонентов внешней политики многих государств и важным ресурсом в борьбе за лидерство на международной арене. Как утверждают зарубежные исследователи, «за последнее десятилетие государство, которое не включило в свою внешнеполитическую стратегию концепцию «мягкой силы», это скорее исключение»¹.

В современном мире становится все сложнее использовать только «жесткую силу». Однако до сих пор вопрос о необходимости использования «мягкой силы» является одним из наиболее спорных. Является ли она реальной или это лишь проекция или обратная сторона «жесткой силы»? Может ли у субъекта быть «мягкая сила» при отсутствии «жесткой», и может ли она обеспечить при этом существенное влияние на мировую политику? Каков потенциал и пределы использования «мягкой силы» в международных отношениях? И, наконец, является ли «мягкая сила» действительно мягкой и способствует ли укреплению демократии и взаимопонимания между народами?

Актуальность темы исследования состоит в том, что в последние годы концепция «мягкой силы» становится все более популярной как среди ученых, так и среди политиков. Обратив внимание на успех «мягкой силы» США, многие лидеры государств стремятся внедрить ее элементы в свою политику. Считается, что не обладающие «мягкой силой» государства в современном мире не могут занимать лидирующие позиции на мировой арене, поэтому сегодня «мягкую силу» называют «непременным атрибутом великой державы»².

Тем не менее, несмотря на большое количество теоретических работ по теме, вопрос об использовании «мягкой силы» в международных отношениях, ее потенциале и

¹ Roselle, L. Miskimmon A. O'Loughlin B. Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power / L. Roselle, A. Miskimmon, B. O'Loughlin // Media, War & Conflict. - 2014. Vol. 7(1). – P. 71.

² Радиков, И. Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы / И. Радиков, Я. Лексютина // Мировая экономика и международные отношения. - 2012. № 2. – С. 19.

сочетании с «жесткой силой» по-прежнему не до конца изучен. Многие аспекты концепции Дж. Ная до сих пор являются недостаточно исследованными, вызывают многочисленные споры и ставятся под сомнение текущей политической практикой. Одним из таких аспектов является вопрос о том, кто может использовать «мягкую силу». В своих работах Джозеф Най называл «мягкую силу» атрибутом внешней политики только демократических государств с достаточно развитым институтом гражданского общества, от которого и должна исходить «мягкая сила».³ Тем не менее, сегодня «мягкая сила» используется также государствами, не попадающими под принятое в американском и европейском дискурсе определение демократии.

Несмотря на то, что сам термин «мягкая сила» появился относительно недавно, сама стратегия «борьбы за умы и сердца» не нова и активно использовалась в XX веке различными режимами. Одним из примеров является Третий Рейх, использовавший культуру и международное культурное сотрудничество в интересах своей политики. Однако в исследованиях по истории Германии периода национал-социализма, чаще всего идёт речь только о ее военно-политических аспектах, то есть о «жесткой силе». Новизна темы исследования состоит в том, что концепция «мягкой силы» до сих пор не применялась для анализа внешней политики Третьего Рейха.

Таким образом, **цель** работы – ответить на вопрос о возможности применения концепции "мягкой силы" при изучении внешней политики Третьего Рейха.

Данная цель достигается последовательным решением следующих **задач**:

1. Рассмотреть понятие «мягкой силы» и связанные с ней концепции в современной науке о международных отношениях, выявить основные направления исследований в данной области;
2. Определить цели и направления внешней культурной политики Третьего Рейха;
3. Проанализировать Олимпийские игры в Берлине с помощью концепции «мягкой силы»;
4. Определить возможность использования концепции «мягкой силы» для описания и анализа внешней политики нацистской Германии.

³ Най, Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. Най - М.: Фонд социо-прогностических исследований, 2006. – С. 45.

Объектом исследования является внешняя и внутренняя политика национал-социалистического правительства.

Предметом исследования выступает возможность применения концепции «мягкой силы» для анализа внешней политики Третьего Рейха.

Хронологические рамки исследования включают в себя период с 1933 по 1939 год – с момента избрания Адольфа Гитлера канцлером Германии и до начала Второй мировой войны. Выбор данных хронологических рамок соответствует цели исследования – определению «мягких», то есть невоенных способов достижения внешнеполитических целей. В 1939 году начинается война и «жесткая сила» однозначно приобретает определяющее значение.

Для достижения поставленной цели в данной работе используется **метод** «кейс-стади». Для изучения был выбран один из наиболее успешных примеров создания и демонстрации привлекательного образа Третьего Рейха – Олимпийские игры 1936 года в Берлине.

Источниковую базу исследования составляют газеты⁴, официальные документы правительства Третьего Рейха⁵, правительственные указания для прессы⁶, речи официальных лиц⁷ и «Моя борьба», содержащая основные политические идеи Адольфа Гитлера⁸. Основным источником для изучения концепции «мягкой силы» являются труды американского политолога Джозефа Ная⁹, который в своей книге «Обязанный лидировать:

⁴ Die Woche. Sondernummer Olympia 1936. August 1936.

⁵ Verordnung über die Aufgaben des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda (30. Juni 1933) // Verfassungen der Welt. URL: <http://www.verfassungen.de/de/de33-45/propaganda33.htm> (дата обращения: 1.03.2018); Erlaß über die Errichtung des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda (13. März 1933) // Verfassungen der Welt. URL: <http://www.verfassungen.de/de/de33-45/propaganda33-2.htm> (дата обращения: 1.03.2018).

⁶ Bohrmann, H. NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Edition und Dokumentation, Bd.4/1936 / H. Bohrmann - München: K.G. Saur Verlag, 1993.

⁷ Goebbels J. Rede vor der Presse über die Errichtung des Reichspropagandaministeriums (15. März 1933) // Deutsche Geschichte in Dokumenten und Bildern. URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=1579&language=german (дата обращения: 1.03.2018); Goebbels J. Ansprache an die Intendanten und Direktoren der Rundfunkgesellschaften, Berlin, Haus des Rundfunks (25. März 1933) // Deutsche Geschichte in Dokumenten und Bildern. URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=1579&language=german (дата обращения: 1.03.2018).

⁸ Hitler, A. Mein Kampf / A. Hitler – München: Eher, 1936.

⁹ Nye, J. Bound to lead: The changing nature of American power / J. Nye - NY: Basic books, 1990; Nye, J. Limits of American power / J. Nye // Political Science Quarterly. - 2002/2003. №117, 4. – P. 545-559; Nye, J. The Future of Power / J. Nye - NY: Public Affairs, 2011; Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye - NY: Public Affairs, 2005; Nye, J. Soft Power / J. Nye // Foreign Policy. - 1990. №80. – P. 153-171.

изменяющаяся природа американской мощи» («Bound to lead: The changing nature of American power»)¹⁰ впервые вводит в политическую науку термин «мягкая сила».

Степень изученности рассматриваемой проблемы представляется достаточно низкой. Тема выпускной квалификационной работы до настоящего момента не становилась предметом специального исследования, но разные ее аспекты затрагивались в трудах как зарубежных, так и российских авторов.

Первая группа работ посвящена изучению и критике концепции «мягкой силы». Концепция Джозефа Ная практически сразу же стала объектом пристального внимания научного сообщества. Однако несмотря на значительное количество научных работ, продолжающих изучение «мягкой силы» как в России, так и за рубежом, наименее изученными остаются вопросы, связанные с принципом ее действия и с отрицательными аспектами ее использования. Этим аспектам и критике концепции Джозефа Ная посвящены статьи Дж. Галларотти¹¹, Я. Мелиссена¹², Т. Соломона¹³. Авторы фокусируются на недостаточно исследованных Наем аспектах «мягкой силы» и дополняют его концепцию. Ряд авторов, опираясь на работы Дж. Ная, представили свои теории: Дж. Маттерн – теорию репрезентативной силы¹⁴, Л. Россель – теорию стратегических нарративов¹⁵, А. Вавин – теорию «валют силы»¹⁶.

В последние годы ученые обращают все больше внимания на «жесткую» сторону «мягкой силы» и последствия применения последней. В частности, Дж. Маттерн¹⁷ выдвигает точку зрения, что «мягкая сила» является ничем иным, как продолжением «жесткой силы». Среди российских ученых данным вопросом занимаются Е.М.

¹⁰ Nye, J. Bound to lead: The changing nature of American power / J. Nye - NY: Basic books, 1990.

¹¹ Gallarotti, G.M. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used / G.M. Gallarotti // Division II Faculty Publications. Paper 57. URL: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57> (дата обращения: 5.12.2016).

¹² Melissen, J. Wielding Soft Power: The New Public Diplomacy / J. Melissen. – The Hague: Clingendael, 2005.

¹³ Solomom, T. The affective underpinnings of soft power / T. Solomon // European Journal of International Relations. - 2014. Vol. 20(3). – P. 720–741.

¹⁴ Bially Mattern, J. Why soft power isn't so soft? / J. Bially Mattern // Millennium: Journal of International Studies. - 2005. Vol.33. – P. 583-612; Bially Mattern, J. Representational Force Meets 'Real'-ist Force: Thoughts on the relationship between linguistic and material forms of coercion/ J. Bially Mattern. URL: <http://www.afsp.msh-paris.fr/congres2007/tables rondes/textes/tr6sess3biallymattern.pdf> (дата обращения: 19.02.2017).

¹⁵ Roselle, L. Miskimmon A. O'Loughlin B. Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power / L. Roselle, A. Miskimmon, B. O'Loughlin // Media, War & Conflict. - 2014. Vol. 7(1). – P. 70-84.

¹⁶ Vuving, A. How Soft Power Works / A. Vuving // American Political Science Association annual meeting. - 2009. №3.

¹⁷ Bially Mattern, J. Representational Force Meets 'Real'-ist Force: Thoughts on the relationship between linguistic and material forms of coercion/ J. Bially Mattern. URL: <http://www.afsp.msh-paris.fr/congres2007/tables rondes/textes/tr6sess3biallymattern.pdf> (дата обращения: 19.02.2017).

Астафьева¹⁸, А.В. Фененко¹⁹. Вопросу пределов использования «мягкой силы» посвящено исследование М. Коуналакиса и А. Симоний²⁰.

В России концепция «мягкой силы» заняла место в современном политическом дискурсе совсем недавно, несмотря на это уже сложился круг авторов, сделавших «мягкую силу» объектом своих исследований. Изучением её различных аспектов занимаются О.Ф. Русакова²¹, Е.П. Панова²², О.Г. Леонова²³, М.М. Лебедева²⁴, Я.В. Лексютина и И.В. Радиков²⁵.

Вторая группа литературы посвящена изучению истории Третьего Рейха. Долгое время при изучении нацистского периода в истории Германии рассматривались исключительно его военно-политические аспекты. Работ, посвященных культуре и культурной политике национал-социализма, на сегодняшний день значительно меньше. Организации различных аспектов внешней культурной политики Третьего Рейха посвящены исследования Д. Шлютер²⁶, С. Гросса²⁷, Г. Импековена²⁸. С. Гросс в своем исследовании использует термин «мягкая сила» по отношению к Германии эпохи национал-социализма, однако автор не анализирует внешнюю политику Третьего Рейха с помощью данной концепции, а лишь заимствует термин Джозефа Ная в качестве синонима для описания германского культурного империализма в 1930-е годы.

¹⁸ Астафьева, Е.М. «Жесткое» влияние «Мягкой силы» / Е.М. Астафьева // ЮВА: актуальные проблемы развития. - 2009. №12. – С. 17-28.

¹⁹ Фененко, А.В. Реальность и мифы «мягкой силы» / А.В. Фененко // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7167#top-content (дата обращения 23.02.2017).

²⁰ Kounalakis, M. Simonyi A. The Hard Truth about Soft Power / M.Kounalakis, A.Simonyi // CPD Perspectives on Public Diplomacy. - 2011, Paper 5.

²¹ Русакова, О.Ф. Методологические проблемы категориального и инструментального анализа soft power / О.Ф. Русакова // Научный журнал «Дискурс-Пи». - 2014. №1 (14). – С. 68-74.

²² Панова, Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике / Е.П. Панова // Вестник МГИМО Университета. - 2010. № 4. – С. 91-97.

²³ Леонова, О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния / О.Г. Леонова // Обозреватель-Observer. - 2014. №3. – С. 18-28.

²⁴ Лебедева, М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО. - 2017. №3 (54). – С. 212-223; Лебедева, М.М. Рустамова Л.Р. Шарко М.В. «Мягкая сила»: темная сторона (на примере Германии) / М.М. Лебедева, Л.Р. Рустамова, М.В. Шарко // Вестник МГИМО. - 2016. №3 (48). – С. 144-153.

²⁵ Радиков, И. Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы / И. Радиков, Я. Лексютина // Мировая экономика и международные отношения. - 2012. № 2. – С. 19-26.

²⁶ Schlüter, D. Vom Kampfblatt zur Staatspropaganda: Die auswärtige Pressearbeit der NSDAP dokumentiert am Beispiel der NS-Wochenzeitschrift 'Westküsten-Beobachter' aus Chile (Formen der Erinnerung) / D. Schlüter - Göttingen: V&R unipress, 2016. –

²⁷ Gross, S.G. Export Empire: German Soft Power in Southeastern Europe, 1890-1945 / S.G. Gross - Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

²⁸ Impeken, H. Die Alexander von Humboldt-Stiftung und das Ausländerstudium in Deutschland 1925-1945 / H. Impeken - Göttingen: V&R unipress, 2013.

Большое внимание в данной работе уделяется изучению Олимпийских игр 1936 года как наиболее успешному примеру использования правительством Третьего Рейха возможностей «мягкой силы». Первой работой, посвященной комплексному анализу летних Олимпийских игр 1936 года как инструмента политики нацистского правительства, является исследование Т. Алькемайера²⁹. В нем автор рассматривает использование правительством культуры и спорта для достижения своих политических целей. Организацию и проведение Олимпиады для создания «обманчивого блеска» исследуют Ю. Холмс³⁰ и А. Эммерих³¹. Изучению пропаганды и использования СМИ до и во время Олимпийских игр посвящены работы Ф. Экхардта³² и Э. Гроте³³. Роль МИДа и его взаимодействие с другими органами государственной власти при подготовке Олимпиады анализирует А.Ю. Ватлин в своей статье³⁴.

Непосредственный эффект воздействия Олимпийских игр на зарубежных гостей, то есть образ Германии в иностранной прессе и среди гостей Олимпиады, изучали Ю. Беллерс³⁵, М. Герцер³⁶, О. Гилмес³⁷, А. Крюгер³⁸. О. Гилмес в своей работе подробно описывает события каждого дня Игр и воссоздает атмосферу тех дней августа, когда Германия предстала страной-хозяйкой Олимпиады, принимающей у себя весь мир.

Структура работы следует из поставленных задач и представляет собой введение, три главы, заключение, а также включает список использованных для написания работы источников и литературы. Первая глава посвящена теоретическим основам концепции «мягкой силы». В первом параграфе раскрываются понятие и сущность «мягкой и силы» с точки зрения самого Джозефа Ная. Второй параграф посвящен последующей критике его работ и эволюции концепции «мягкой силы». В третьем параграфе рассматриваются

²⁹ Alkemeyer, T. Körper, Kult und Politik: von der "Muskelreligion" Pierre de Coubertins zur Inszenierung von Macht in den Olympischen Spielen von 1936 / T. Alkemeyer - Frankfurt am Main: Campus-Verl., 1996.

³⁰ Holmes, J. Olympiad 1936: Blaze of glory for Hitler's Reich / J. Holmes - NY: Ballantine, 1971.

³¹ Emmerich, A. Olympia 1936: trügerischer Glanz eines mörderischen Systems / A. Emmerich - Köln: Fackelträger-Verl., 2011.

³² Eckhardt, F. Olympia im Zeichen der Propaganda – Wie das NS-Regime die ersten Medienspiele inszenierte / F. Eckhardt // Medien im Nationalsozialismus. - Paderborn: Schöningh, 2010. – S. 235-251.

³³ Grothe, E. Die Olympischen Spiele von 1936 – Höhepunkt der NS-Propaganda? / E. Grothe // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. - 2008. №5/6. – S. 291-307.

³⁴ Ватлин, А.Ю. Германский МИД и подготовка берлинской Олимпиады 1936 года / А.Ю. Ватлин // Новая и новейшая история. - 2016. №4. – С. 28-45.

³⁵ Bellers, J. Presse, Außenpolitik und Olympische Spiele 1936 / J. Bellers - Siegen: Univ., 2012.

³⁶ Herzer, M. Auslandskorrespondenten und auswärtige Pressepolitik im Dritten Reich / M. Herzer - Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2012.

³⁷ Hilmes, O. Berlin 1936: sechzehn Tage im August / O. Hilmes - München: Siedler, 2016.

³⁸ Krüger, A. Die Olympischen Spiele und die Weltmeinung. Ihre außenpolitische Bedeutung unter besonderer Berücksichtigung der USA / A. Krüger - Berlin u.a., 1972.

понятия «мягкая сила» и «пропаганда», соотношение которых друг с другом является принципиальным для данного исследования, так как при описании политики Третьего Рейха обычно используется термин «пропаганда», а не «мягкая сила». Во второй главе рассмотрены общая стратегия и организация внешней политики, а также образ Третьего Рейха, который правительство с помощью различных инструментов представляло международной общественности. В третьей главе проанализированы Олимпийские игры 1936 года как конкретный кейс использования «мягкой силы» правительством Третьего Рейха.

1. Основные положения концепции «мягкой силы»

1.1. Концепция Дж. Ная

Понятие власти (power) является одним из центральных и наиболее дискуссионных в теории международных отношений. В течение многих лет в исследованиях доминирует реалистическое определение власти как использования материальных ресурсов одним государством, чтобы заставить другое государство делать что-то вне зависимости от его собственных желаний³⁹.

В 1990 году Джозеф Най в своей книге «Обязанный лидировать: изменяющаяся природа американской мощи» («Bound to lead: The changing nature of American power») указал на то, что изменения в мире повлекли за собой изменение природы и источников власти, а также изменение интересов государств.⁴⁰ Традиционно правительства ставили в приоритет военную безопасность, однако в современном мире обеспечение национальной безопасности стало более сложной задачей: военные угрозы уступают место экономическим и экологическим. Факторы технологий, образования и экономического роста становятся более значимыми, чем географическое положение, количество населения или сырьевые ресурсы.⁴¹ В работах «Обязанный лидировать» («Bound to lead: The changing nature of American power») и «Мягкая сила» («Soft Power») политолог впервые говорит об еще одной составляющей власти – «мягкой силе». Идея обретения силы (власти) через привлекательность не нова⁴², «жесткая сила» считается традиционным «лицом власти», однако лишь военная и экономическая мощь не способны гарантировать лидерство в меняющемся мире. Кроме того, доверие к «мягкой силе» опирается еще и на этическую привлекательность: там, где используется «жесткая сила», всегда возникает моральная дилемма.

Концепция «мягкой власти» стала основной тематикой последующих исследований Дж. Ная. В многочисленных эссе и докладах он уточнял и дополнял понятие мягкой силы. Идея американского политолога заинтересовала как других исследователей, так и

³⁹ Barnett, M. Duvall R. Power in international politics / M. Barnett, R. Duvall // International organization - 2005, №59. – P. 40-41.

⁴⁰ Nye, J. Bound to lead: The changing nature of American power / J. Nye - NY: Basic books, 1990. P. 20.

⁴¹ Nye, J. Soft Power / J. Nye // Foreign Policy. - 1990. №80. – P. 153-171.

⁴² О возможностях контроля над умами и действиями людей писал еще Э. Кэпп в Carr, E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939 / E.H. Carr - London: Macmillan, 1940.

политических деятелей. Концепция вскоре вошла в общественный дискурс, а также нашла свое отражение в законодательных актах различных стран, политических доктринах и иных программных документах. Для политиков мягкая сила особенно привлекательна тем, что она относительно дешева и не включает в себя необходимость отправлять молодых граждан на войну. Однако некоторые авторы неправильно интерпретировали и использовали концепцию «мягкой силы», сводя ее лишь к «влиянию кока-колы, Голливуда, голубым джинсам и деньгам»⁴³. Причиной неправильной трактовки является теоретическая нечеткость, сложность в понимании как самого концепта, так и его источников, инструментов и набора ресурсов. Позднее⁴⁴ сам автор объяснил это тем, что концепция «мягкой силы» скорее описательная, нежели нормативная. Изначально Дж. Най не ставил цель создать новую теорию, а скорее описать уже существующие процессы в американской внешней политике, что оставило широкий простор для трактовок.

Трудности начинаются с самого названия и его определения. В работах российских исследователей «soft power» может переводиться как мягкая сила, мягкая власть, гибкая власть, гибкая мощь⁴⁵. Наиболее устоявшимся переводом данного термина все-таки стала «мягкая сила». Общепринятого определения «мягкой силы» не существует. В своих работах Най дает несколько определений «мягкой силы», из которых следует, что «мягкая сила» – это не просто способность оказывать влияние на других акторов, а способность субъекта в процессе коммуникации убедить других сделать то, что они в ином случае не сделали бы, способность привлекать, достигать результатов через убеждение и притягательность, а не через принуждение.

В 2004 году Дж. Най опубликовал наиболее полное исследование⁴⁶ «мягкой силы», целью которого было проанализировать и более основательно и детально разработать концепцию. Он впервые конкретно и полно называет источники «мягкой силы». В то время как реалисты рассматривают влияние государства как функцию материальных и принуждающих источников власти, Дж. Най обращает внимание на более нематериальный и «просвещающий» источник – позитивный образ государства на

⁴³ Най, Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Най Дж. - М.: Фонд социально-прогностических исследований, 2006. – С. 20.

⁴⁴ Nye, J. The Future of Power / J. Nye - NY: Public Affairs, 2011 – P. 81.

⁴⁵ В данной работе эти термины используются как синонимы.

⁴⁶ Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye - NY: Public Affairs, 2004.

мировой арене, который располагает одни нации⁴⁷ к другим. К нематериальным источникам Дж. Най относит привлекательность культуры, политических ценностей и институтов, а также внешней политики, которая воспринимается как легитимная или имеющая моральный авторитет. При этом крайне важно, чтобы принципы, транслируемые за рубежом, соблюдались правительствами и во внутренней политике, иначе это приведет к обратному эффекту, так как двойные стандарты, наоборот, вызывают отторжение у объекта.

Существует тенденция связывать жесткую силу с использованием только материальных ресурсов, а мягкую силу с использованием только нематериальных. Осязаемость, однако, не может являться строгим критерием разделения на две категории. Например, угроза является нематериальным ресурсом, но она является способом принудительного воздействия на другую нацию. Позднее, в книге «Будущее власти» Дж. Най отмечает, что экономические ресурсы, которые он изначально относил к «жесткой силе», могут также являться источником «мягкой силы» (например, если речь идет о привлекательной экономической модели). Кроме того, к источникам «мягкой силы» можно отнести и военную мощь: военные успехи, создающие «чувство непобедимости», или хорошо организованные вооруженные силы способны привлекать не меньше, чем культурные ценности. Нации почтительно относятся к победителям и даже восхищаются ими.⁴⁸

Практически невозможно провести точную границу между «жесткой» и «мягкой силой». Главным критерием разделения, согласно Дж. Наю, выступает

- А) напрямую действует актор или опосредованно;
- Б) использует актор принуждение или привлекательность.

Главное отличие в том, что «жесткая сила» основывается на прямом принуждении и угрозах, в то время как «мягкая сила» – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия, способность «кооперировать» людей⁴⁹, это

⁴⁷ Говоря о мягкой силе, некоторые западные авторы (например, Gallarotti) чаще всего используют понятие „nations”, а не „states”, что подразумевает, что мягкая сила должна исходить от гражданского общества и должны использоваться негосударственные институты. Сам Дж. Най писал, что применение мягкой силы сложнее по сравнению с жесткой, так как ее ключевые ресурсы находятся вне контроля правительства и ее эффективность в значительной мере зависит от восприятия аудиторией.

⁴⁸ Nye, J. The Future of Power / J. Nye - NY: Public Affairs, 2011. – P. 85.

⁴⁹ Най, Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. Най - М.: Фонд социально-прогностических исследований, 2006. – С.30.

«привлекательная сила». В отличие от «жесткой силы», «мягкая сила» не воспринимается в качестве силы, которая действует извне. «Мягкая сила» реализуется в форме определенного коммуникативного воздействия, в процессе которого диктуемое поведение воспринимается реципиентом как свободный и добровольный выбор. «Твердая сила – это толчок, мягкая сила – притяжение»⁵⁰.

Источники «мягкой силы» заключаются в привлекательности политических и культурных ценностей, идеалов и образов, особенно тех, которые являются универсальными. Говоря об универсальных ценностях (космополитизме, демократии, мире), Дж. Най отмечал, что привлекательность – это естественный объективный накопленный опыт (следовательно, и естественное состояние)⁵¹. С другой стороны, в то же время он говорит, что привлекательность – это социальный конструкт. Он делает акцент на полезности публичной дипломатии для «преобразования» иностранцев таким образом, что собственные ценности субъекта становятся привлекательными для объекта влияния (то есть социальное взаимодействие).⁵² Последняя точка зрения представляется более логичной, так как «мягкая власть» всегда ситуативна, и ее наполнение зависит от конкретной целевой аудитории, ее настроений и культурных особенностей, от желаемых результатов и определенного места и времени.

Кроме того, результаты (привлекательность, формирование определённого имиджа государства) достигаются только в процессе коммуникации, которая имеет решающее значение. «Мягкая сила» зависит от знаний других о чьих-то привлекательных качествах. Соответственно, наиболее фундаментальный путь «пожинать плоды» мягкой силы – это распространить знание о чьих-то ценностях⁵³. При этом одного лишь распространения информации недостаточно: успешное увеличение «мягкой власти» включает в себя построение долгосрочных отношений, которые создадут благоприятную почву для осуществления государственной политики.

«Мягкая сила» направлена на постепенное и долговременное вовлечение объекта в зону своего влияния. Она позволяет достигать результатов, сохраняющихся в течение длительного времени. Согласно Наю, сравнительная долгосрочность эффекта применения мягкой силы объясняется тем, что она осуществляется через сотрудничество между

⁵⁰ Nye, J. The Future of Power / J. Nye - NY: Public Affairs, 2011. – P. 93.

⁵¹ Nye, J. Soft Power / J. Nye // Foreign Policy. - 1990. №80. – P. 153-171.

⁵² Nye, J. The Future of Power / J. Nye - NY: Public Affairs, 2011. – P. 107.

⁵³ Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye - NY: Public Affairs, 2004. – P. 111.

заинтересованными сторонами на основе общих взглядов и ценностей и направлена на формирование лояльности к субъекту воздействия. «Мягкая сила» предполагает вовлечение общества и участие негосударственных институтов.

Однако Дж. Най ничего не говорил о том, почему именно универсальные ценности являются правильными и как приобрести эти ценности. Также он ничего не говорил о том, как умело использовать «правильные» ценности в «мягкой силе». При этом неизбежной оказывается ситуация, при которой то, что является «правильным» для одних, может вызывать непонимание и даже осуждение у других. В дальнейшем попытки определить ресурсы и источники «мягкой силы», общие для различных стран, и на основе этого провести сравнение не увенчались успехом. М. Коуналакис считает, что в концепции «мягкой силы» не может быть ничего универсального. То, что работает в одной культурной среде, необязательно работает в другой. То, что привлекательно для одной социальной группы, может не оказывать никакого влияния на другую группу. Кроме того, некоторые инструменты имеют краткосрочный эффект, некоторые – долгосрочный. В любом случае, контекст применения «мягкой силы» всегда будет уникальным.⁵⁴

При исследовании «мягкой силы» одним из главных показателей эффективности является изменение настроений людей в сторону поддержки целей или мероприятий субъекта «мягкой силы» или политического режима в целом. Если правительства делают свою власть легитимной в глазах окружающих, они встречают меньшее сопротивление в осуществлении собственных целей. «...некие радикальные мусульманские фундаменталисты могут поддерживать действия Усамы бен Ладена не из-за денег или угроз, а потому, что они верят в легитимность его целей».⁵⁵ Даже самый кровавый диктатор не способен сохранить власть на долгое время, опираясь лишь на террор и держа в постоянном страхе граждан.

⁵⁴ Kounalakis, M. Simonyi A. The Hard Truth about Soft Power / M. Kounalakis, A. Simonyi // CPD Perspectives on Public Diplomacy. - 2011, Paper 5. – P. 31.

⁵⁵ Най, Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. Най - М.: Фонд социо-прогностических исследований, 2006. – С. 27.

1.2. Эволюция концепции «мягкой силы»

После публикации первых работ Дж. Ная о «мягкой силе» концепция мало развивалась теоретически, часто ее область применения ограничивалась лишь анализом современной внешней политики США. В исследованиях можно выделить следующие основные направления:

1. Принятие идей Дж. Ная и применение их в анализе определенных государств.

Изначально «мягкая сила» рассматривалась только в контексте американской внешней политики и должна была обеспечить сохранение лидерства США в изменившемся после окончания холодной войны мире⁵⁶. Затем концепция использовалась также в отношении ЕС⁵⁷, многие исследователи, в том числе и Най, изначально полагали, что «мягкой властью» могут обладать только либеральные демократии как несущие миру универсальные ценности, к которым априори стремятся все люди. Но уже с конца 2000х годов, после Олимпийских игр в Пекине, ставших примером успешного использования «мягкой силы» не демократической в западном понимании страной, география исследуемых объектов значительно расширилась.⁵⁸

2. Критика «мягкой силы» в современном мире и самостоятельные попытки переосмыслить и дополнить концепцию Дж. Ная.

Концепция Дж. Ная получила широкий отклик в международном академическом сообществе, на ее основе создавались другие теории.⁵⁹ Концепцию много критиковали, Некоторые ученые обращали внимание на ее слабость и фактическое повторение установок уже существующих теоретических школ (институционализма, теории демократического мира, конструктивизма) и не признавали ее особого вклада в понимание мировой политики.⁶⁰ Другие исследователи выделяли определенные пробелы и в своих работах фокусировались именно на их изучении или дополнении уже

⁵⁶ Nye, J. Bound to lead: The changing nature of American power / J. Nye - NY: Basic books, 1990.

⁵⁷ Matlary, J.H. When Soft Power Turns Hard: Is an EU Strategic Culture Possible? / J.H. Matlary // Security Dialogue. - 2006. Vol. 37, №1. – P. 105-121.

⁵⁸ Например, Bell, D. War, Peace, and China's Soft Power: A Confucian Approach / D. Bell // Diogenes. - 2009. Vol. 56, №1. – P. 26-40; Wagner, C. India's Soft Power: Prospects and Limitations / C. Wagner // India Quarterly: A Journal of International Affairs. - 2010. Vol. 66, №4. – P. 333-342; Gallarotti, G.M. Saudi Arabia's Soft Power / G. Gallarotti // International Studies. - 2014. Vol. 49, №3-4. – P. 233-261.

⁵⁹ Теория репрезентативной силы Дж. Маттерн, теория стратегических нарративов Л. Россель, теория «валют силы» А. Вавина.

⁶⁰ Layne Ch. The Unbearable Lightness of Soft Power / Ch. Layne // Soft power and US foreign policy: theoretical, historical and contemporary perspectives. - NY and London: Routledge. – P.71.

существующих идей. Концепция «мягкой силы» может стать частью стратегических доктрин и успешно использоваться политиками, только если они знают, как она работает и что именно нужно делать, чтобы их позиция выглядела привлекательной в глазах других. К «недоисследованным» аспектам относится, во-первых, само определение и, соответственно, содержание «мягкой силы». Во-вторых – привлекательность, что она собой представляет и как возникает. В-третьих – цели и результаты, которые могут быть достигнуты с помощью «мягкой силы», ее потенциал и эффект воздействия. Кроме того, не до конца ясными остаются пределы применения «мягкой силы».

В новейших исследованиях по данной проблеме можно выделить две тенденции: одни ученые рассматривают «мягкую силу» как самостоятельную силу, как форму мета-силы⁶¹, другие считают, что «мягкая сила» является одной из составляющих «жесткой силы».⁶² Сторонники первой точки зрения считают, что «мягкая сила» оказывает воздействие на структуру и содержание общественных отношений и тем самым влияет на результаты взаимодействия между акторами. «Мягкая сила» воздействует не на физическое состояние жертвы, а на ее субъективность – матрицу, постоянно развивающихся отличительных черт, которые и создают индивидуальность, которая является по своей природе очень уязвимой и восприимчивой.

Другие исследователи рассматривают «мягкую силу» как не что иное, как лицо «жесткой силы». Без «жесткой силы» «мягкая» не будет работать должным образом или не будет работать вообще. Дж. Маттерн в своем исследовании⁶³ показывает, что привлекательность какой-либо идеи достигается не посредством диалога, а с помощью принуждения и ультиматума, то есть «мягкая сила» на самом деле несколько не мягкая, а является продолжением «жесткой силы». Так же как и сила с точки зрения реалистов, «мягкая сила» основывается на принуждении.

⁶¹ Gallarotti, G.M. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used / G.M. Gallarotti // Division II Faculty Publications. Paper 57. URL: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57> (дата обращения: 5.12.2016).

⁶² Fan Y. Soft Power: Power of attraction or confusion? / Y. Fan // Place Branding and Public Diplomacy. - 2008. Vol. 4, №2. – P. 147-158.

⁶³ Bially Mattern, J. Why soft power isn't so soft? / J. Bially Mattern // Millennium: Journal of International Studies. - 2005. Vol.33. – P. 583-612.

Автор вводит понятие репрезентативной силы⁶⁴, с помощью которой создается привлекательность, которая в свою очередь является ничем иным, как социолингвистически сконструированной «правдой». С точки зрения конструктивистов, реальность не может быть объективна, так как каждый актор по своему ее интерпретирует. Только в ходе обмена разными видениями действительности возникает одно или несколько принятых в обществе представлений о реальности, которые получают статус «истинной правды» (realtruth). То же самое справедливо и для сущности привлекательности – это интерпретация, которая в ходе коммуникативного процесса возобладавала над другими.

«Реальности» - привлекательность, легитимность или что-либо еще – это просто культуры, интересубъективно сконструированные матрицы убеждений, которые являются по своей природе очень уязвимыми и восприимчивыми. Так как индивидуальность создается социолингвистически, она может быть разрушена также социолингвистически. Для того чтобы разрушить субъективность должны быть разрушены все ее черты. Чаще всего, однако, разрушаются именно отдельные отличительные черты, так как ни один автор не может полностью переписать «реальность».⁶⁵ По сути привлекательность – это процесс разрушения существующих убеждений «жертвы» или замена их необходимыми или выгодными субъекту идеями. Популярность достигается путем воздействия на идентичность и ее отдельные черты. Сам Най также утверждал, что успех в информационную эпоху является не только результатом того, чья армия победит, но и того, «чья история победит»⁶⁶. Однако эта победа достигается не с помощью рациональных аргументов, а путем вербальной борьбы с помощью репрезентативной силы.

Один из главных критиков концепции Ная Инг Фан⁶⁷ изначально ставит под сомнение способность привлекательной силы действовать на национальном уровне. Она может формировать предпочтения других, но только на личностном уровне. Версию Ная Инг Фан слишком упрощенной и нереалистичной. Отношения между государствами

⁶⁴ Bially Mattern, J. Representational Force Meets 'Real'-ist Force: Thoughts on the relationship between linguistic and material forms of coercion / J. Bially Mattern. URL: <http://www.afsp.msh-paris.fr/congres2007/tables rondes/textes/tr6sess3biallymattern.pdf> (дата обращения: 19.02.2017).

⁶⁵ Bially Mattern, J. Why soft power isn't so soft? / J. Bially Mattern // Millennium: Journal of International Studies. - 2005. Vol.33. – P. 585-586.

⁶⁶ Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye - NY: Public Affairs, 2004. – P. 106.

⁶⁷ Fan Y. Soft Power: Power of attraction or confusion? / Y. Fan // Place Branding and Public Diplomacy. - 2008. Vol. 4, №2. – P. 147-158.

складываются под воздействием различных факторов, в значительной степени под влиянием геополитических и стратегических интересов, при этом «мягкая сила» может играть весьма ограниченную роль. Принятие политических решений на государственном уровне намного более сложно, чем на личном, и менее подвержено влиянию эмоций. Кроме того, в государстве есть много различных акторов, на некоторых привлекательность будет оказывать предполагаемое воздействие, на других – нет. В реальности использовать «мягкую силу» очень сложно, намного сложнее, чем «жесткую», так как ее успешность зависит от ответа и реакции стороны, на которую она направлена. Таким образом, влияние «мягких инструментов» может быть очень незначительным, а также трудно определяемым⁶⁸.

В основном, концепцию Най критикуют за неясность, с помощью каких ресурсов и инструментов может достигаться привлекательность. Джозеф Най привел слишком длинный список ресурсов «мягкой силы», в том числе число туристов, нобелевских лауреатов и проданных книг⁶⁹. Расширение интерпретации явления приводит к тому, что «мягкая сила» может так или иначе включать в себя почти все, а следовательно – ничего. Ключевой вопрос: являются ли ресурсы «мягкой силы» универсальными или у каждой страны они разные? Дж. Най говорит о том, что источники «мягкой силы» универсальны. Большинство современных исследователей, однако, придерживаются мнения, что «мягкая сила» очень сильно зависит от контекста. Ее определенная форма релевантна лишь для определенной страны или даже определенной группы людей в этой стране. Соответственно, не может быть определенного списка универсальных инструментов.

Источники «мягкой силы» можно разделить на две группы: зарубежные и внутренние. К зарубежным источникам относятся уважение международного права и институтов, международных договоров и союзнических отношений, готовность пожертвовать краткосрочными национальными интересами ради общего блага, либеральная внешнеэкономическая политика. Внутренние источники можно разделить еще на две группы: культура и политические институты. Под политическими институтами понимается демократия, конституционализм, либерализм, плюрализм, хорошо функционирующее правительство. Культура включает в себя ярко выраженную сплоченность общества, высокий уровень жизни, достаточное количество возможностей,

⁶⁸ Fan Y. Soft Power: Power of attraction or confusion? / Y. Fan // Place Branding and Public Diplomacy. - 2008. Vol. 4, №2. – P. 152-153.

⁶⁹ Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye - NY: Public Affairs, 2004. – P. 7.

толерантность, свободу, привлекательный образ жизни.⁷⁰ Зачастую, особенно в средствах массовой информации, в упрощенном виде культуру приравнивают к «мягкой силе», что в корне неверно. Культура – лишь один из возможных источников силы. Определенные ресурсы и источники «мягкой силы» не являются силой *per se*, а лишь потенциалом для силы. Для их преобразования в силу необходимы капитал, политические и социальные структуры.⁷¹

В научном сообществе существует склонность к ресурсному видению концепции «мягкой силы», то есть склонность отождествлять саму силу с ресурсами, которые ее производят. Однако один и тот же ресурс может использоваться как в «мягкой», так и в «жесткой силе», поэтому справедливо было бы считать, что ресурсы сами по себе нейтральны. Ю. Давыдов, отмечая невозможность однозначного выделения того или иного ресурса государства либо в рамках «жесткой», либо в рамках «мягкой» сил выделяет еще несколько видов сил: экономическую, коммерческую, научно-техническую, информационную, идеологическую, политическую и социологическую⁷².

О. Леонова разделяет ресурсы на группы в зависимости от восприятия «мягкой силы»: поверхностное (стиль, одежда, питание, досуг, манера поведения) и глубинное (воздействующее на сознание и подсознание и приводящее к их постепенной трансформации). При этом она отмечает, что повлиять на поведение людей и внешнюю политику государства возможно только с помощью глубинного влияния. Поверхностное влияние легко усваивается, но при этом не образует нового качества культуры.⁷³

Рациональные теории могут объяснить лишь идеально-упорядоченный мир, однако мы живем в хаотичном мире, управляемом плохо подготовленными ко всем его сложностям лидерами. Решить многие фундаментальные проблемы, связанные с пониманием и анализом «мягкой силы» Л. Росель и соавторы исследования предлагают с помощью концепции стратегических нарративов, значимых для упорядочивания мирового

⁷⁰ Gallarotti, G.M. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used / G.M. Gallarotti // Division II Faculty Publications. Paper 57. URL: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57> (дата обращения: 5.12.2016). – P. 28.

⁷¹ Treverton, G.F. Jones, S.G. Measuring national power / G.F. Treverton, S.G. Jones // Conference Proceedings, National Security Research Division. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/2005/RAND_CF215.pdf (дата обращения: 19.03.2018).

⁷² Давыдов, Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений / Ю. Давыдов // Международные процессы. - 2004. Том 2, №1 (4). – С. С. 20-24.

⁷³ Леонова, О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния / О.Г. Леонова // Обозреватель-Observer. - 2014. №3. – С. 19.

хаоса, так как они являются связующим звеном между «мягкой» и «жесткой» силой. Нарративы дают объяснение мировому порядку, устанавливают мысленные и действенные ограничения и формируют интересы. С точки зрения авторов нарративы являются такими же ресурсами силы, как и культура и ценности. Современный мир представляет собой пространство постоянного противоборства различных нарративов (на уровне системы – объясняют, как устроен мир; на национальном уровне – объясняют историю, ценности и интересы государства или нации; на уровне конкретной проблемы – определяют, какая политика необходима и приемлема и как она должна использоваться наиболее успешно).⁷⁴

Большинство современных работ о «мягкой силе» посвящено сложному подсчету инструментов или ресурсов, а не результатам и потенциальным возможностям. С появлением интернета «ресурсо-центричный образ мышления» проявляется в подсчете числа подписчиков в Твиттере и Фейсбуке, но при этом потерян самый важный вопрос: как эти ресурсы воздействуют. Вопросы, как меняются отношения и как ими можно управлять, часто избегаются, потому что их изучение теоретически и методологически сложно.

Создав концепцию «мягкой силы», Най не предложил формально структурированной модели ее измерения. Степень эффективности «мягкой силы» он предлагает оценивать по ее результату: сложился ли привлекательный образ страны в глазах международного сообщества, является ли политика государства легитимной, а ценности разделяются всеми.⁷⁵ Для этого изначально проводились опросы общественного мнения, однако этот метод является некорректным, так как субъективные представления респондентов представляются в качестве объективной реальности. В последние годы регулярно проводятся многочисленные исследования в области рейтинговых измерений «мягкой силы» и ее индексирования. Недостаток данного метода состоит в том, что результаты меняются в зависимости от параметров и от того, кем проводилось исследование. Положение стран в рейтинге находится в прямой зависимости от

⁷⁴ Roselle, L. Miskimmon A. O'Loughlin B. Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power / L. Roselle, A. Miskimmon, B. O'Loughlin // Media, War & Conflict. - 2014. Vol. 7(1). – P. 76.

⁷⁵ Най, Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Най Дж. - М.: Фонд социологических исследований, 2006. – С. 26-27.

выбранных критериев, на выбор которых влияет принадлежность исследователя к определенной культуре, из которой следуют его убеждения и ценности.⁷⁶

Свою модель количественного измерения «мягкой силы» предложил китайский ученый Янь Сюэту. Согласно его точке зрения, «мягкую силу» следует оценивать с помощью определенных формул по следующим показателям: привлекательность государственной модели и культуры, международная (наличие стратегических союзников и масштабы участия в формировании международного правового порядка) и внутригосударственная (степень воздействия на элиту и общества) мобилизационные силы.⁷⁷

Однако подобные измерения имеют слишком большую погрешность в силу значительного числа допущений и упрощений. Кроме того, количественно измерить возможно лишь количество материальных ресурсов, в то время как наиболее важным показателем эффективности «мягкой силы» является само ее воздействие и результаты, к которым оно приводит, а их количественно оценить практически невозможно. Поэтому при отсутствии единых критериев любая попытка сравнить «мягкую силу» государств даже на основе ресурсного потенциала будет несовершенной сама по себе и предоставит искаженные результаты.

Джозеф Най утверждал, что необходимо не просто определять результаты достигнутой с помощью «мягкой силы» привлекательности страны, а установить изменения в поведении как результат «мягкой силы». Тем не менее, по его мнению, это задача «журналистов и историков, а не исследователей международных отношений», так как в настоящем подобные исследования были бы слишком дороги и трудоемки.⁷⁸

Еще одним предметом критики концепции Дж. Най является возможность и эффективность использования «мягкой силы» в современном мире. «Мягкая сила» имеет определенные границы применимости, в некоторых ситуациях ее использование не принесет никаких результатов. Существует точка зрения, что использование «мягкой

⁷⁶ Русакова, О.Ф. Измерение soft power / О.Ф. Русакова // Soft Power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. - Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2015. - С. 55-56.

⁷⁷ Радиков, И. Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы / И. Радиков, Я. Лексютина // Мировая экономика и международные отношения. - 2012. № 2. - С. 25.

⁷⁸ Nye, J. The Future of Power / J. Nye - NY: Public Affairs, 2011. - P. 86; Professor Joseph S. Nye, Harvard Kennedy University – Oral evidence (QQ 176-186) // Soft Power and the UK's Influence Committee Oral and written evidence. –2014. Volume 2. URL:<http://www.parliament.uk/documents/lords-committees/soft-power-uk-influence/SoftPowerEvVol2.pdf> (дата обращения: 19.03.2018) - С. 759.

силы» достигает каких-либо целей только в том случае, если другая сторона желает ее принять, иначе «даже самые изощренные информационные технологии бессильны». Например, малые страны всегда будут опасаться более сильного соседа, рассматривая его «мягкую силу» как реальную угрозу. Во-вторых, каждая страна в силу культурных особенностей и традиций по-разному воспринимает чужое влияние, в некоторых странах, особенно в тех, где исторически сильно противопоставление себя другим народам, «мягкая сила» может не усваиваться. Таким образом, «мягкая сила» — это инструмент не переубеждения врагов, а борьбы за колеблющихся, попытка привлечь их на свою сторону».⁷⁹

«Мягкую силу», в основном, не признают реалисты, которые подчеркивают действенность только «жесткой силы», которая еще долго будет являться необходимым инструментом политики. С одной стороны, ее применение не всегда правильно, и даже тогда, когда оно обоснованно, нет гарантии ее эффективного использования, но тот факт, что военная сила должна использоваться с большой осторожностью и умением не преуменьшает ее исключительной важности. «Жесткая сила» не теряет своего ключевого значения в мире, где государства стремятся оградить свою независимость, а негосударственные акторы, прежде всего террористические организации, готовы прибегать к насилию. В современном мире существуют конфликты, которые не могут быть решены политически, так как не всегда можно найти взаимоприемлемый компромисс. Война – это необходимая мера против недопустимого поведения⁸⁰.

В условиях глобализации и взаимозависимости применение традиционной «жесткой силы» становится невыгодным, рискованным и непопулярным, создает немало неоправданных издержек. С изобретением ядерного оружия резко возросла цена использования или угрозы использования военной силы ядерными державами. Создание ядерного оружия стало началом «новой эры коллективной безопасности», в которой войны между ведущими державами практически немыслимы, так как последствия будут фатальными. Кроме того, социальные и политические изменения сделали народы более чувствительными к экономическим изменениям и последствиям войны. Заинтересованность в экономическом благосостоянии выдвигает на первый план

⁷⁹ Фененко, А.В. Реальность и мифы «мягкой силы» / А.В. Фененко // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7167#top-content (дата обращения: 23.02.2017).

⁸⁰ Gray, C.S. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force As an Instrument of Policy in the 21st Century / C.S. Gray - Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. - 2011. – P. 47-48.

кооперацию, которая обеспечивает экономический рост и развитие, и противодействует политике «жесткой силы», которая может перечеркнуть эти цели⁸¹. Тем не менее, сложность применения не означает, что военная сила потеряла свою отличительную способность подкреплять политические решения. Кроме того, история развивается нелинейно, и рост внимания к общечеловеческим ценностям в современном обществе не означает, что данная тенденция сохранится и дальше

Международные события однозначно показывают, что в современном ремилитаризирующемся мире опираться только на невоенные инструменты опасно. «Мягкую силу» нельзя рассматривать как альтернативу «жесткой». Важный недостаток «мягкой силы» как инструмента политики состоит в том, что она чрезвычайно зависит от добровольного выбора объекта. Иногда его предпочтения могут быть схожи с предпочтениями проводника «мягкой силы», но едва ли не чаще они не совпадают: разные культуры и интересы⁸².

Кроме того, невозможно с полной уверенностью говорить о результате применения «мягкой силы» в конкретной ситуации. В исследованиях часто описываются только плюсы использования невоенных инструментов, однако мало кто говорит об опасности применения «мягкой силы». Инг Фан указывает на то, что Най игнорировал темную сторону «мягкой силы». Сила есть сила, неважно «жесткая» или «мягкая», никто не хочет чувствовать, что им манипулируют. Чрезмерное использование «мягкой силы» не покоряет сердца, а вызывает сопротивление, неприязнь и гнев.⁸³ Колин Грей предлагает разграничивать «мягкую» и «жесткую силу» по степени их управляемости. Военная сила принадлежит только центральной политической власти, в то время как большинство компонентов «мягкой силы» не принадлежат политикам и не могут ими контролироваться. Следовательно, «мягкая сила» является опасной концепцией, как оружие она недостаточно контролируема и сложно предсказать точные результаты, так как ее невозможно измерить и объективно оценить конкретные последствия⁸⁴. Хотя

⁸¹ Gallarotti, G.M. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used / G.M. Gallarotti // Division II Faculty Publications. Paper 57. URL: <http://wesscholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57> (дата обращения: 5.12.2016). P. 33-36.

⁸² Gray, C.S. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force As an Instrument of Policy in the 21st Century / C.S. Gray - Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. - 2011. – P. 6-8.

⁸³ Fan, Y. Soft Power: Power of attraction or confusion? / Y. Fan // Place Branding and Public Diplomacy. - 2008. Vol. 4, №2. – P. 147-158.

⁸⁴ Gray, C.S. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force As an Instrument of Policy in the 21st Century / C.S. Gray - Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. - 2011. – P.50.

данная точка зрения очень спорна. Последствия неконтролируемого использования «мягкой силы» любым актором намного более безопасны, чем использование центральной властью «жесткой силы» как инструмента своей политики.

1.3. Проблема соотношения понятий «мягкая сила» и «пропаганда»

В силу отсутствия в современной науке общепринятого определения понятий «мягкой силы», культурной дипломатии, публичной дипломатии, культурной политики и пропаганды, термины часто смешивают или замещают одно другим. Для данного исследования принципиально важным является определить разницу между понятиями «мягкая сила» и «пропаганда», так как при описании политики Третьего Рейха обычно используется термин «пропаганда», а не «мягкая сила».

Г. Скор выделяет две существенные характеристики пропаганды: интенциональность (Intentionalität) и ее плановый характер (Planmäßigkeit). Соответственно под пропагандой автор понимает любую попытку субъекта (Sender) изменить поведение или взгляды социо-коммуникативно однородной группы (Empfänger) в соответствии с преследуемой целью.⁸⁵ Таким образом, и пропаганда, и мягкая сила имеют перед собой одну и ту же конечную цель – изменение настроения объекта в свою пользу.

Единственным исследованием, посвященным разграничению понятий «мягкой силы» и «пропаганды» является работа М.М. Лебедевой⁸⁶. По мнению автора, в рамках реалистического подхода оба понятия отождествляются, однако в рамках неолиберального подхода между этими понятиями существует принципиальная разница.

⁸⁵ Skor, H. «Brücken über den Rhein» Frankreich in der Wahrnehmung und Propaganda des Dritten Reiches, 1933-1939 / H. Skor - Essen: Klartext, 2011. – S. 17.

⁸⁶ Лебедева, М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО. - 2017. №3 (54). – С. 212-223.

Схематически соотношение «мягкой силы» и «пропаганды» автор представляет следующим образом:

Табл. 1. Сопоставление «пропаганды» и «мягкой силы»

Пропаганда	«Мягкая сила»
1. Допускает навязывание (принуждение), а также различные виды стимулирования	1. Не допускает навязывания (противоположная сторона сама должна сделать выбор) или стимулирования
2. Используется в рамках реалистской концепции ТМО (внимание к собственным интересам)	2. В рамках неолиберальной концепции ТМО (внимание к интересам другого)
3. Скорее всего, не будет работать в долгосрочной перспективе	3. Ориентирована на долгосрочное взаимодействие с партнером
4. Использует манипулятивные стратегии	4. Избегает манипулятивных стратегий
5. Ориентирована на монолог. Воспринимает противоположную сторону в качестве объекта	5. Ориентирована на диалог. Воспринимает противоположную сторону в качестве субъекта
6. Формирование доверительных отношений не является фокусом внимания	6. Предполагает создание доверительных отношений

Лебедева, М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО. - 2017. №3 (54). – С. 215.

Тем не менее, на наш взгляд, данные отличия нельзя считать строгим разграничением между понятиями «пропаганда» и «мягкая сила». Во-первых, цель пропаганды и «мягкой силы» одинакова – «мягкая сила» тоже направлена, прежде всего, на достижение собственных внешнеполитических интересов. Во-вторых, «мягкая сила» допускает определенные виды стимулирования (например, экономические в виде различных грантов или стипендий), что в современном мире активно используют ведущие западные государства. В-третьих, тезис о самостоятельности принятия решения стороной, на которую направлена «мягкая сила», невозможно доказать. В более современных исследованиях⁸⁷ о «мягкой силе» доминирует точка зрения о жесткости «мягкой силы», «навязывании привлекательности» путем разрушения существующих убеждений объекта (теория репрезентативной силы). В-четвертых, «мягкая сила» необязательно ориентирована только на долгосрочное взаимодействие с партнером. В зависимости от

⁸⁷ Например, Bially Mattern, J. Why soft power isn't so soft? / J. Bially Mattern // Millennium: Journal of International Studies. - 2005. Vol.33. – P. 583-612; Matlary, J.H. When Soft Power Turns Hard: Is an EU Strategic Culture Possible? / J.H. Matlary // Security Dialogue. - 2006. Vol. 37, №1. – P. 105-121.

поставленной цели эффект может быть достигнут и в среднесрочной перспективе. В краткосрочной перспективе «мягкая сила» не может быть эффективна, так как необходимо определенное время для установления коммуникации и доверительных отношений. При этом в ходе хорошо продуманной пропагандистской кампании могут быть сформированы доверительные отношения, что может работать и в долгосрочной перспективе. Впоследствии у объекта будет создаваться ощущение, что это его собственный выбор, а не навязанное мнение.

Кроме того, при изучении внешней политики Третьего Рейха не может быть использована неолиберальная парадигма, так как главным актором в 1930-е годы являлось государство. Негосударственные организации начинают оказывать значительное влияние на внешнюю политику только ближе к концу XX века, соответственно, ситуация 1930-х годов серьезно отличается от ситуации конца XX века. Принципиальной же разницы между инструментами пропаганды и «мягкой силы» в понимании Дж. Ная нет. Таким образом, в данной работе пропаганда будет рассматриваться как часть «мягкой силы».

В основе данной работы лежит понимание «мягкой силы» как способности влиять на глобальный мир путем создания привлекательного образа, распространения своих ценностей, убеждений и представлений о действительности. «Мягкая сила» может использоваться на трех уровнях: системном – для распространения своих представлений о мире, национальном – для продвижения культуры и интересов государства или нации, на уровне конкретной проблемы – для объяснения своей позиции по определенному вопросу. В процессе коммуникации проводник «мягкой силы» представляет свои ценности, интересы, политику либо как универсальные, либо как единственно правильные в данной ситуации.

Большинство исследователей «мягкой силы» сходятся во мнении, что «мягкая» и «жесткая сила» в современном мире дополняют друга. «Мягкая сила» должна пониматься не как противоположное «жесткой силе» понятие, а как ее продолжение, но другими средствами.⁸⁸ Кроме того, любому государству, обладающему ресурсами «мягкой силы» необходимы «тяжелые ресурсы». Люди только тогда будут восхищаться вашей культурой,

⁸⁸ Bially Mattern, J. Why soft power isn't so soft? / J. Bially Mattern // Millennium: Journal of International Studies. - 2005. Vol.33. – P. 610.

если у вас есть ресурсы для коммуникации и продвижения своих идей. Без «жесткой силы» «мягкая» не будет работать должным образом или не будет работать вообще⁸⁹.

В современной политике обе силы подкрепляют друг друга. Принципиальная разница между ними состоит не в использовании материальных или нематериальных ресурсов, а в контексте применения силы. Применение «мягкой силы» возможно в контексте провозглашения принципов политического либерализма.⁹⁰ При этом, так как «мягкая сила» ситуативна, набор ресурсов и инструментов, равно как и результат их использования в каждом конкретном случае будут разными. При этом эффективность и возможность применения «мягкой силы» во многом зависят от способности реципиента усваивать чужие ценности и взгляды. «Мягкая сила» может быть наиболее эффективна тогда, когда «жертва» думает, что действует добровольно, только на основе своих личных убеждений и ценностей, принимает решение не зависимо от кого-то и не замечает какого-либо воздействия извне. Однако объективно оценить эффективность «мягкой силы» практически невозможно.

⁸⁹ Fan, Y. Soft Power: Power of attraction or confusion? / Y. Fan // Place Branding and Public Diplomacy. - 2008. Vol. 4, №2. – P. 156.

⁹⁰ Gallarotti, G.M. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used / G.M. Gallarotti // Division II Faculty Publications. Paper 57. URL: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57> (дата обращения: 5.12.2016). – P. 28.

2. «Мягкая сила» во внешней политике Третьего Рейха

2.1. Общая стратегия и организация внешней политики

В отношении внутренней организации Третьего Рейха существуют две концепции, дополняющие друг друга – концепции «централизации» и «анархии». С одной стороны, Третий Рейх представляется как единое, монархическое, обладающее высокой степенью централизации государство, контролируемое А. Гитлером и НСДАП. Альтернативные правящему режиму структуры были уничтожены.⁹¹ С другой стороны, «тотальное фюрерское государство» не обладало до мелочей продуманным аппаратом и не являлось сверхрационализированной системой. Наоборот, внутреннюю организацию Третьего Рейха со всей ее путаницей привилегий и политических связей, компетенциями и наделением полномочиями можно, скорее, назвать «войной всех против всех».⁹² О.Ю. Пленков дает наиболее точную характеристику системы государственных органов Третьего Рейха: «в сфере властных отношений в Третьем Рейхе царило не однообразие и унификация власти, не ее централизация, а – невиданная для Германии с ее легендарной прусской иерархией и порядком в сфере властных отношений – анархия компетенций различных органов власти».⁹³ Рихард Боллмус называл это не только «конкуренцией ведомств», но и «хаосом ведомств».⁹⁴

Последняя характеристика как нельзя лучше иллюстрирует организацию внешней политики в целом и внешней культурной политики в частности. Общей стратегии для министерств и других организаций Третьего Рейха не было. На протяжении всего исследуемого периода для нацистского государства характерна «борьба компетенций» между различными ведомствами, занимавшимися внешней политикой, и внутри них. Уже в 1933 году была понятна необходимость централизации внешней культурной политики и кооперации между различными ведомствами, при этом централизация была необходима

⁹¹ Bracher, K. D. Die nationalsozialistische Machtergreifung: Studien zur Errichtung des totalitären Herrschaftssystems in Deutschland 1933/1934 / K.D. Bracher - Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1962. – S. 373.

⁹² Bollmus, R. Das Amt Rosenberg und seine Gegner: Studien zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem (Studien zur Zeitgeschichte, Band 1) / R. Bollmus - München: Oldenbourg, 2006. – S. 10.

⁹³ Пленков, О.Ю. Третий Рейх. Нацистское государство / О.Ю. Пленков - СПб: Нева, 2004. – С. 13.

PR в международных отношениях. Прикладные аспекты / Под редакцией Выходца Р.С. - СПб: «Экспертные решения», 2015. – С. 13.

⁹⁴ Bollmus, R. Das Amt Rosenberg und seine Gegner: Studien zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem (Studien zur Zeitgeschichte, Band 1) / R. Bollmus - München: Oldenbourg, 2006. – S. 11.

не столько с точки зрения общей политики национал-социалистов, сколько с точки зрения логики и организации.⁹⁵ Вскоре после прихода к власти национал-социалистов вся пропагандистская деятельность, направленная как на немецких граждан, так и за рубежом, была сконцентрирована в руках Геббельса, который определял конкретные задачи и направления политики.

Согласно распоряжению Гитлера от 30 июня 1933 года⁹⁶ вся работа по духовному воспитанию нации, рекламе государства, культуры и экономики, информированию о них внутренней и зарубежной общественности и управление всеми служащими этим целям организациями входила в сферу ответственности Геббельса как министра народного просвещения и пропаганды. В 1933 году Министерство народного просвещения и пропаганды состояло из семи отделов: управления (I), пропаганды (II), радио (III), прессы (IV), кино (V), театра, музыки (VI), сопротивления (VII). В 1939 году в состав Министерства народного просвещения и пропаганды входило уже 17 отделов. Новому министерству были переданы полномочия некоторых других министерств, в частности:

1. Министерства внутренних дел (общее внутриполитическое просвещение, надзор за прессой, радио, театром, музыкой, Немецкой национальной библиотекой, содержание и охрана национальных памятников)
2. Министерства экономики (реклама в сфере экономики, проведение выставок и ярмарок)
3. Министерства спорта и Министерства транспорта (реклама с помощью транспортных средств и все, связанные с радио, дела)
4. Министерства иностранных дел (новости и пропаганда за границей, международные культурные и спортивные мероприятия)⁹⁷

Однако в Министерстве иностранных дел было собственное Управление прессы и пропаганды, которое так же, как и Министерство пропаганды устраивало пресс-конференции и издавало пропагандистскую литературу. МИД и Министерство

⁹⁵ Impekoven, H. Die Alexander von Humboldt-Stiftung und das Ausländerstudium in Deutschland 1925-1945 / H. Impekoven - Göttingen: V&R unipress, 2013. – S. 186-187.

⁹⁶ Verordnung über die Aufgaben des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda (30. Juni 1933) // Verfassungen der Welt. URL: <http://www.verfassungen.de/de/de33-45/propaganda33.htm> (дата обращения: 1.03.2018).

⁹⁷ Verordnung über die Aufgaben des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda (30. Juni 1933) // Verfassungen der Welt. URL: <http://www.verfassungen.de/de/de33-45/propaganda33.htm> (дата обращения: 1.03.2018).

пропаганды совместно подготавливали указания для пресс-атташе консульств Германии за рубежом. МИД и Министерство пропаганды также постоянно соперничали в области международных спортивных связей. Роль МИД сводилась лишь к планированию и проведению общественно-политических мероприятий, сопровождавших Олимпийские Игры, и обеспечению благоприятного внешнеполитического климата.⁹⁸

Долгое время шла борьба между Геббельсом и Министерством обороны за руководство военной пропагандой. В итоге было подписано соглашение, по которому в случае войны вся военная пропаганда отдавалась Министерству народного просвещения и пропаганды. В районах боевых действий за пропаганду был ответственен отдел военной пропаганды вермахта, который должен был согласовывать основную линию с Геббельсом.⁹⁹

В 1934 году в результате слияния Телеграфного бюро Вольфа и Телеграфного союза было создано Германское информационное бюро, которое подчинялось отделу печати правительства Рейха и являлось единственным источником информации для СМИ. Отдел печати правительства Рейха, в свою очередь, находился под властью Министерства пропаганды. Кроме того, членов правления Германского информационного бюро назначал сам Геббельс.

Еще одной важной структурой была Зарубежная организация НСДАП, ответственная за связи с проживавшими за рубежом членами партии. В первое время после прихода к власти Гитлера Зарубежная организация НСДАП конкурировала с Министерством иностранных дел, так как Гитлер не доверял сотрудникам МИДа. По его мнению, «только некоторые дипломаты были действительно верны режиму, а немецкая дипломатия была настолько оторвана от мира («weltfremd»), что даже не оказывала поддержки соотечественникам, проживавшим за границей»¹⁰⁰. Основной целью создания Зарубежной организации НСДАП было объединение отдельных групп, клубов, школ,

⁹⁸ Роль МИДа при организации Олимпийских игр 1936 года подробнее проанализирована в следующей главе.

⁹⁹ Панарин, И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны / И.Н. Панарин - М.: Поколение, 2012. – С. 116-117.

¹⁰⁰ Schlüter, D. Vom Kampfblatt zur Staatspropaganda: Die auswärtige Pressearbeit der NSDAP dokumentiert am Beispiel der NS-Wochenzeitschrift 'Westküsten-Beobachter' aus Chile (Formen der Erinnerung) / D. Schlüter - Göttingen: V&R unipress, 2016. – S. 53.

создававшихся этническими немцами за рубежом. Зарубежная организация НСДАП подчинялась заместителю Гитлера Рудольфу Гесу.¹⁰¹

Помимо вышеперечисленных органов культурные отношения с другими государствами развивали более двухсот частных и полугосударственных организаций, начиная с крупных, таких как Немецкий зарубежный институт (DAI) и Немецкая служба академических обменов (DAAD) и заканчивая небольшими организациями, как например, Центральноевропейский экономический конгресс (Mitteleuropäischer Wirtschaftstag) или Институт Центральной Европы (Mitteleuropa-Institut). Деятельность многих из этих организаций была направлена на один и тот же регион, что также приводило к пересечению функций и форм деятельности. Уже в тот период многие современники считали немецкую внешнекультурную политику непоследовательной и слишком разрозненной.¹⁰² Тем не менее, несомненным преимуществом подобных институтов было то, что для иностранной публики они не были напрямую связаны с государством и скорее понимались как независимые организации, что позволяло при отсутствии партийного контроля более эффективно использовать «мягкую силу» за границей.

Министерство народного просвещения и пропаганды пыталось объединить все неправительственные организации в сфере культуры, сотрудничающие с иностранными государствами, под одним вышестоящим объединением – «Немецким культурным обменом», которым бы руководило Министерство народного просвещения и пропаганды. Так как ни одна из нижестоящих организаций не хотела находиться под надзором Министерства народного просвещения и пропаганды, а между другими министерствами происходила борьба компетенций, проект закона о создании «Немецкого культурного обмена» так и не был поддержан.¹⁰³

Как уже было сказано выше, цели внешней культурной политики также не были четко сформулированы. Внешнеполитические притязания Гитлера, сформулированные в «Моей борьбе», были скорее лишь утопичным долгосрочным ориентиром, нежели программой нового правительства. Содержавшиеся в книге внешнеполитические идеи

¹⁰¹ Там же, S. 54.

¹⁰² Gross, S.G. *Export Empire: German Soft Power in Southeastern Europe, 1890-1945* / S.G. Gross - Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – P. 224-225

¹⁰³ Abelein, M. *Die Kulturpolitik des Deutschen Reiches und der Bundesrepublik Deutschland* / M. Abelein – Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 1968. – S. 131-132.

целенаправленно не воплощались, а должны были служить интегрирующей идеологией и удерживать вместе весь «плюрализм компетенций и концепций».¹⁰⁴

Внешнеполитически Германия находилась в одном из самых невыгодных положений, поэтому с помощью достижений в культурной сфере она должна попытаться расположить к себе мировое общественное мнение.¹⁰⁵ С помощью многочисленных культурных и политических мероприятий правительство стремилось укрепить идеологический фундамент нацистского государства и привлечь массы на свою сторону. Третий Рейх был не только режимом террора, он также опирался на «обладание сердцами» масс (Геббельс).¹⁰⁶

Исходя из положения Третьего Рейха на международной арене и первостепенных внешнеполитических задач нового режима можно выделить следующие цели национал-социалистического правительства во внешней политике:

1. Репрезентация режима и демонстрация силы государства для привлечения союзников;
2. Осведомление других стран о миролюбии нацистского режима;
3. Изоляция враждебно настроенных государств и раскол союзов, которые могли бы быть опасны для Германии (активная антианглийская пропаганда с 1938 года).

Национал-социалисты использовали различные инструменты для восстановления потерянных после Первой мировой войны геополитических позиций Германии на международной арене. Кроме того, Первой мировой войной оказался основательно подорван имидж немцев как «культурной нации». Участие в различных международных мероприятиях за границей и их организация в Германии должны были, во-первых, продемонстрировать всему миру международное признание как немецкой культуры, так и немецкой политики. Во-вторых, усиление культурного самосознания немцев и распространение немецкой культуры за рубежом должны были помочь преодолеть международную изоляцию, в которой Германия оказалась после войны. Правительство

¹⁰⁴ Skor, H. «Brücken über den Rhein» Frankreich in der Wahrnehmung und Propaganda des Dritten Reiches, 1933-1939 / H. Skor - Essen: Klartext, 2011. – S. 31-33.

¹⁰⁵ Grothe, E. Die Olympischen Spiele von 1936 – Höhepunkt der NS-Propaganda? / E. Grothe // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. - 2008. №5/6. – S. 296.

¹⁰⁶ Alkemeyer, T. Körper, Kult und Politik: von der “Muskelreligion” Pierre de Coubertins zur Inszenierung von Macht in den Olympischen Spielen von 1936 / T. Alkemeyer - Frankfurt am Main: Campus-Verl., 1996. – S. 4.

Третьего Рейха стремилось всеми возможными способами пробудить симпатию, расположение и понимание за границей.¹⁰⁷ Задача «мягкой силы» состояла в ситуативно ориентированном воздействии на зарубежное общественное мнение, а не в изменении фундаментальных убеждений.¹⁰⁸

2.2 Создание привлекательного образа Германии

Большое значение для достижения выше названных внешнеполитических целей имело создание привлекательного образа Третьего Рейха. На международной арене национал-социалистическое правительство стремилось продемонстрировать свое превосходство в экономической, академической, научно-технической сферах. Источниками привлекательности Третьего Рейха являлись культура, политические ценности и внешняя политика. С помощью различных программ обмена и организации крупнейших мероприятий национал-социалисты получили возможность познакомить весь мир с немецкой культурой, со своими идеями и ценностями. Международной общественности предлагалось приехать и увидеть собственными глазами «новую Германию»: единую, мощную, возрожденную под властью фюрера после череды политических и экономических кризисов Веймарской республики.

Установившийся в Германии режим после прихода к власти национал-социалистов не во всех государствах восприняли негативно. То, с какой скоростью Германии удалось преодолеть и глубокий внутривнутриполитический кризис, и последствия мирового экономического кризиса, не могло не заставить правительства других, более слабых государств, обратить внимание на политику национал-социалистов. Развивая культурные и экономические отношения с Юго-Восточной Европой, Третий Рейх обещал молодым государствам «величайший путь в Европу»¹⁰⁹. Кроме того, румынские и югославские

¹⁰⁷ Koutsoukou, F. Die deutsche Kulturpolitik in Griechenland in der Zeit des Nationalsozialismus (1933-1944) / F. Koutsoukou - Berlin: Metropol Verlag, 2008. – S. 26, 58.

¹⁰⁸ Skor, H. «Brücken über den Rhein» Frankreich in der Wahrnehmung und Propaganda des Dritten Reiches, 1933-1939 / H. Skor - Essen: Klartext, 2011. – S. 18.

¹⁰⁹ Gross, S.G. Export Empire: German Soft Power in Southeastern Europe, 1890-1945 / S.G. Gross - Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – P. 248.

политики поддерживали идею однопартийного государства, антисемитскую политику Гитлера и симпатизировали фашизму как политическому режиму.¹¹⁰

Негативную основу (антисемитизм, антикоммунизм, антиимпериализм) имели также отношения Третьего Рейха с арабскими националистами. Основная идея, которую с помощью радио национал-социалисты распространяли на Ближнем Востоке, заключалась в повторении того, что ценности ислама («благочестие, послушание, общность, единство, противостоящие скептицизму, идеализму и разделению») схожи с ценностями нацизма.¹¹¹

2.2.1 Роль СМИ и кинематографа в создании привлекательного образа Третьего Рейха

Важным инструментом формирования привлекательного имиджа Германии за рубежом были иностранные корреспонденты. С одной стороны, правительство старалось всеми способами не допустить публикации критических статей, в то же время для достижения наибольшей достоверности и доверия зарубежной аудитории было необходимо добиться благосклонности представителей иностранной прессы. Для этого корреспондентам предоставлялись определенные свободы, в том числе отсутствие предварительной цензуры.

По сравнению с другими тоталитарными государствами 1930-х годов, Третий Рейх проводил более либеральную политику по отношению к иностранным корреспондентам в Германии. Как в прессе, так и на радио не было предварительной цензуры. Однако попадавшие в печать за границей сообщения тщательно анализировались немецкими загранучреждениями. На каждого журналиста имелись регистрационные карточки, в которых содержалась информация обо всех сообщениях, публиковавшихся корреспондентом. Таким образом, правительство могло оценить политические взгляды журналиста, была ли его критическая статья «случайностью» или частью его взглядов на режим в стране. В зависимости от этого применялись соответствующие санкции. Самыми страшными наказаниями для корреспондента были «бойкот» (министерства не

¹¹⁰ Gross, S.G. *Export Empire: German Soft Power in Southeastern Europe, 1890-1945* / S.G. Gross - Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – P. 285.

¹¹¹ Шерстюков, С.А. Пропаганда нацистской Германии в арабском мире накануне и в годы Второй мировой войны / С.А. Шерстюков // *Известия АлтГУ*. - 2010. №4-3. – С. 239.

приглашали журналиста на мероприятия, не предоставляли информацию о текущей деятельности), отключение телефона и запрет отправлять телеграммы.¹¹²

Положение иностранных корреспондентов в Третьем Рейхе во многом зависело от того, на какую страну они работали. Если в Германии был задержан корреспондент государства, обладавшего весомым политическим весом на международной арене и способного оказать политическое давление на еще достаточно слабое после завоевания власти правительство Третьего Рейха, данного корреспондента вскоре отпускали. Наиболее серьезным репрессиям со стороны национал-социалистов подвергались журналисты из небольших стран, чьи правительства не могли оказать дипломатическое давление на германскую сторону.¹¹³

Неугодных режиму корреспондентов высылали лишь в исключительных случаях. Третьему Рейху необходимо было сохранять образ либеральной политики в отношении прессы. Кроме того, Третьему Рейху были необходимы зарубежные журналисты для того, чтобы познакомить мир с новым режимом. Чаще всего, если корреспондент писал негативные сообщения, то ему не продлевали вид на жительство. В различной литературе и мемуарах журналистов того времени можно встретить различные данные о том, сколько иностранных корреспондентов было выслано из Третьего Рейха (по разным данным, от 19 высланных журналистов до 1941 года¹¹⁴ и до 13 только за первые полгода после захвата власти нацистами¹¹⁵), это зависит главным образом от того, что авторы понимают под «высылкой».¹¹⁶ По этой же причине сложно точно сказать, сколько иностранных корреспондентов находилось в Германии в 1930е годы. Если считать только корреспондентов, постоянно работавших в Берлине, то их число составляло около 300 летом 1932 года. В течение 30х годов число журналистов постоянно менялось и возрастало перед и во время особенно масштабных событий, например, Олимпийских игр. Наиболее известными иностранными корреспондентами в то время были Луис Лохнер („Associated Press“), Отто Толишус („New York Times“), Норман Эббут („Times“), Хью

¹¹² Herzer, M. Auslandskorrespondenten und auswärtige Pressepolitik im Dritten Reich / M. Herzer - Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2012. – S. 60-63,73.

¹¹³ Ibid., S. 87-89.

¹¹⁴ Lochner L. P. What about Germany? / L.P. Lochner – London: Hodder and Stoughton Limited, 1943. – S. 227.

¹¹⁵ Stoop, P. Niederländische Presse unter Druck. Deutsche auswärtige Politik und die Niederlande 1933-1940 / P. Stoop - München: KG Saur Verlag, 1987. – S.316.

¹¹⁶ Herzer, M. Auslandskorrespondenten und auswärtige Pressepolitik im Dritten Reich / M. Herzer - Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2012. – S. 94.

Грин („Daily Telegraph“), Кристиано Ридоми („Corriere della Sera“), Иван Беспалов (ТАСС), Мино Като („Osaka Mainichi“).¹¹⁷

Так же, как и во многих других сферах, в Третьем Рейхе не было унифицированной системы координации и информирования иностранных журналистов. В Германии не проводились регулярные пресс-конференции для представителей иностранной прессы, обычно они созывались только по определенному поводу. В связи с этим большое значение для иностранных корреспондентов имели их личные более или менее регулярные контакты с сотрудниками правительственных учреждений или партийными функционерами. Специально для предоставления информации журналистам в Министерстве народного просвещения и пропаганды были сотрудники, которые работали до позднего вечера и по выходным. Кроме того, с ними можно было оперативно связаться по телефону для получения необходимой информации.¹¹⁸ Наиболее интенсивно представители правительства и партии взаимодействовали с иностранными журналистами в преддверии важных событий, например, ежегодного съезда НСДАП, освещение которого в иностранных СМИ было крайне желательно для Германии.

Наиболее действенным инструментом распространения информации иностранным корреспондентам в Германии и одновременно наиболее эффективным способом влияния на международное общественное мнение были интервью Адольфа Гитлера представителям иностранной прессы. Однако Гитлер давал очень мало интервью и только журналистам, постоянно работающим в Берлине. Считалось, что чем меньше интервью он будет давать журналистам, тем выше будет ценность его слов. Существовало несколько критериев отбора журналистов. Во-первых, право интервьюировать фюрера получали корреспонденты тех СМИ, которые позитивно или нейтрально представляли нацистский режим. Во-вторых, журналисты должны были быть действительно известными и работать на массовую прессу, чтобы в итоге интервью прочитала как можно более большая аудитория. Непосредственно перед интервью корреспонденты должны были прислать список вопросов, который потом редактировался в Имперской канцелярии, а после интервью корреспонденты должны были прислать итоговый текст для согласования.¹¹⁹ Таким образом, национал-социалисты использовали иностранных корреспондентов как

¹¹⁷ Ibid., S. 137.

¹¹⁸ Ibid., S. 106-107.

¹¹⁹ Ibid., S. 115, 118-119.

посредников для трансляции определенных идей и создания определенного образа Германии в мире.

В то же время существовали некоторые ограничения со стороны государств, на которые работали иностранные корреспонденты. Так, советские журналисты должны были находиться в постоянном контакте с советским посольством, где они получали определенные указания. Кроме того, советские корреспонденты не могли оставаться в Германии дольше трех лет, чтобы не допустить слишком долгого влияния не коммунистической идеологии на журналистов. Также итальянские журналисты получали инструкции от своих редакций в Италии и итальянского посольства в Германии. Пресс-атташе посольства, кроме того, имел право решать, какие немецкие газеты итальянским журналистам разрешено цитировать. Однако не только тоталитарные режимы ограничивали работу своих журналистов. Швейцарское правительство призывало своих журналистов «не заходить слишком далеко ради национальной безопасности» и придерживаться «иностранной сдержанности». Лондонская редакция „Times“ печатала не все репортажи Н. Эббута – своего корреспондента в Германии, так как его точка зрения отличалась от общей линии газеты. Журналист часто жаловался своим коллегам, что редакция не печатает то, что он присылает, так как «не хочет слушать о плохих сторонах нацистской Германии».¹²⁰

Представителям иностранной прессы и другим гостям Германии правительство стремилось создать все условия, чтобы они увидели происходящее своими глазами. Увиденное лично всегда воспринимается как более правдивое, поэтому национал-социалисты не просто предоставляли уже готовую информацию, а устраивали различные «экскурсии». Например, уже спустя несколько недель после прихода к власти нацистов зарубежные корреспонденты настаивали на посещении печально известных концентрационных лагерей. Сначала подобные требования отклонялись, но уже в мае 1933 года национал-социалисты разрешили небольшой группе известных журналистов посетить концлагерь Зонненбург, чтобы они увидели своими глазами истинное положение дел в лагерях и убедились в лживости всех слухов. Для этого журналистам показали жилые бараки и кухню и также предоставили возможность поговорить с некоторыми заключенными, которые уверили представителей прессы в том, что с заключенными

¹²⁰ Цит. по: Herzer, M. Auslandskorrespondenten und auswärtige Pressepolitik im Dritten Reich / M. Herzer - Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2012. – S. 150.

обходятся надлежащим образом.¹²¹ Журналистам лондонской газеты The Illustrated London News во время посещения концлагеря Дахау демонстрировали самое современное медицинское оборудование, журналисты были свидетелями того, как доктора ухаживают за больными, принося завтрак лежащим больным. Работу на общей кухне журналисты назвали «прекрасным примером немецкой организации, потрясающим иностранных посетителей».¹²²

Помимо СМИ, образ «новой Германии» создавался при помощи кинематографа. Наиболее известными и успешными фильмами, с помощью которых национал-социалисты воздействовали массы, были фильмы Лени Рифеншталь «Победа веры», «Триумф воли» и «Олимпия»¹²³. Ее заслуга состояла не только в том, что она запечатлела такие масштабные события как ежегодные съезды НСДАП и Олимпийские игры, а в том, что в фильмах Рифеншталь создала новую реальность. Речь шла не о документальной передаче реальных событий, а о наполнении символами основанного на реальных событиях сценария. Реальные события были лишь «кулисами» для фильма.

Можно выделить две основные цели производства этих фильмов:

1. Показать возрожденную Германию после войны, революции, политических кризисов
2. Продемонстрировать единство немецкого народа под властью Гитлера ("Ein Volk. Ein Führer. Ein Reich - Deutschland")

Первый фильм «Триумф воли» был посвящен партийному съезду партии как одному из важнейших инструментов легитимации власти и ее одобрения как внутри страны, так и за рубежом. Фильм изначально показывался только внутри Германии. Немецкое правительство было очень осторожно с демонстрацией «Триумфа воли» широкой публике после отказа Германии от соблюдения условий Версальского договора. Ввиду своего характера и подчеркнутой власти фюрера, фильм мог вызвать еще большее напряжение в отношениях Германии с европейскими государствами, особенно Великобританией, а также США. (Пропаганда в Великобритании отличалась стремлением

¹²¹ Herzer, M. Auslandskorrespondenten und auswärtige Pressepolitik im Dritten Reich / M. Herzer - Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2012. – S. 114.

¹²² Life in a German concentration camp for political opponents of the Nazis // The Illustrated London News. 10.02.1934. // Lesemappe «Konzentrationslager Dachau 1933 bis 1945». – S.11.

¹²³ Подробнее о фильме «Олимпия» в следующей главе.

не провоцировать лишний раз, попытаться привлечь Великобританию на свою сторону и самое главное – не вызвать сомнений в миролюбивом характере нового режима.)

Исключением были только Италия, где фильм был показан на Венецианском фестивале, и Франция, где в 1937 году «Триумф воли» был показан французской публике на международной выставке в Париже.¹²⁴ Французская публика была в восторге от фильма. В прессе обращали внимание прежде всего на эстетику фильма, его художественную ценность, что привело к тому, что политический подтекст не анализировался. Подобное исключительно позитивное восприятие фильма во Франции обуславливалось общим характером отношений между двумя государствами. Французско-германские отношения в культурной сфере были достаточно хорошими, так как продолжали развиваться по инерции «пост-Локарно» второй половины 1920-х годов.¹²⁵

2.2.2. Образование как источник привлекательности Третьего Рейха

Научный обмен был важной частью внешней культурной политики еще до прихода к власти национал-социалистов. В данной области правительство Третьего Рейха продолжило уже начатую в период Веймарской республики работу. В 1925 году по инициативе студента из Гейдельберга была создана Служба академических обменов, чтобы помочь немецким студентам учиться за границей и привлечь иностранных студентов в Германию. В 1931 году после объединения с Немецким академическим заграничным офисом союза немецких высших учебных заведений (Deutsche Akademische Auslandsstelle des Verbandes der deutschen Hochschulen) и Фондом Александра фон Гумбольдта она была переименована в Германскую службу академических обменов.¹²⁶ Изначально организация фокусировалась на развитии контактов с США и Западной Европой (Великобритания, Франция), после прихода к власти национал-социалистов активно развивались связи с Южной и Юго-Восточной Европой. В 1933-1934 году было предоставлено 80 стипендий для иностранных студентов, в 1938-1939 году – около 250

¹²⁴ Trimborn, J. Riefenstahl / J. Trimborn - Berlin: Aufbau Verlag, 2002. – S. 213-214.

¹²⁵ Fiss, K. Grand Illusion: The Third Reich. The Paris Exposition and, the Cultural Seduction of France / K. Fiss - Chicago: University of Chicago Press, 2010. – P. 164-165.

¹²⁶ Von Anfang an. URL: <https://www.daad.de/der-daad/ueber-den-daad/portrait/de/32996-von-anfang-an/> (дата обращения: 30.03.2018).

стипендий (при этом около 30% стипендий выделялось для студентов из Южной и Юго-Восточной Европы).¹²⁷

С середины 1930-х годов по инициативе руководителя Института Центральной Европы университета Дрездена Вальтера Лерха, обладавшего обширными связями в Румынии, при поддержке ДААД были организованы программы обмена с Юго-Восточной Европой. Чтобы привлекать студентов к участию в программах была также основана Германо-Румынская академическая ассоциация. Летом 1935 года в Германии была проведена первая летняя школа для студентов и молодых специалистов из Румынии, в 1936 году к участию в программах приглашались также студенты и молодые специалисты из Югославии. В том же 1936 году 20 немецких студентов отправились в Румынию и 20 – в Югославию, в то время как в Германию приехали всего 25 студентов из обеих стран, 17 из которых изучали экономику и бизнес.¹²⁸

Основным конкурентом организации Лерха в Юго-Восточной Европе был Центральноевропейский экономический конгресс (Mitteleuropäischer Wirtschaftstag) – объединение больших немецких предприятий, банков и торговых ассоциаций, которые лоббировали интенсификацию торговых отношений с Юго-Восточной Европой. Данная организация предоставляла 100-175 стипендий на обучение в Германии, чтобы продемонстрировать преимущества экономической кооперации. В течение программы студенты и молодые специалисты получали возможность узнать на практике об экономической жизни Германии.¹²⁹

В 1936 году Центральноевропейским экономическим конгрессом были организованы первые программы для студентов, изучавших экономику, инженерное дело, медицину и сельское хозяйство. Предложение поучиться в немецком университете нашло большой отклик среди студентов Балканских государств. Только в Болгарии было подано более 1100 заявок на участие в программах. В 1936 году в Германию были приглашены 137 участников: 40 из Болгарии, 27 из Югославии, 26 из Греции, 23 из Румынии и 21 из Венгрии. 41 из них изучали инженерное дело, 33 – экономику и бизнес, 21 – сельское

¹²⁷ Impekoven, H. Die Alexander von Humboldt-Stiftung und das Ausländerstudium in Deutschland 1925-1945 / H. Impekoven - Göttingen: V&R unipress, 2013. – S. 439.

¹²⁸ Gross, S.G. Export Empire: German Soft Power in Southeastern Europe, 1890-1945 / S.G. Gross - Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – P. 233-236.

¹²⁹ Dafinger, J. Student and Scholar Mobility between Nazi Germany and Southern/Southeastern Europe / J. Dafinger // Nazi Germany and Southern Europe, 1933-1945. Science, Culture, Politics / ed.: F. Clara, C. Ninhos - Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 56.

хозяйство и 42 – медицину.¹³⁰ Студентов Юго-Восточной Европы, с одной стороны, привлекала сама возможность обучения в университетах Германии, лучших в Европе в области медицины, естественных наук, экономики и бизнеса. С другой стороны, в Юго-Восточной Европе находили поддержку идеи Гитлера: авторитарный режим и антисемитская политика.¹³¹

Для лучшей интеграции иностранных студентов при поддержке ДААД были созданы общежития, в которых четверть студентов должны были быть этническими немцами, а три четверти – студенты по обмену. Таким образом, иностранные студенты должны были приобщиться к ценностям и культуре Германии.¹³² Кроме того, студенты по обмену получали финансовую поддержку. Наряду со стипендиями Александра Гумбольта и Немецкой стипендией Центральноевропейского экономического конгресса, для иностранных студентов выделялись стипендии межгосударственных ассоциаций, стипендии Техничко-экономической консультационной службы (Technisch-Wirtschaftlicher Beratungsdienst), стипендии Ференца Листа, стипендии немецкой авиации и стипендии Центра изучения Восточной Европы (Zentrale für Ostforschung).¹³³

Несмотря на снижение экспорта и в связи с этим ограниченность бюджетных средств, Третий Рейх уже в 1933 году заключил кредитные соглашения с несколькими государствами. В первую очередь они служили для того, чтобы немецкие товары за границей можно было оплачивать торговой маркой (дизажио), специально созданной для этого. К началу 1934 торговые марки должны были пойти также на пользу иностранным студентам. Благодаря дальнейшим кредитным соглашениям стало возможным использовать торговую марку для покрытия расходов на образование и обучение. Студенты из стран, подписавших соглашения (США, Бельгии, Чехословакии, Дании, Великобритании, Франции, Нидерландов, Италии, Швеции и Швейцарии) оказались в плюсе, получив ажио от 12 до 20% больше, чем обычный обменный курс. Например, британский студент получал 16 рейхсмарок вместо 13,50 рейхсмарок за английский

¹³⁰ Gross, S.G. *Export Empire: German Soft Power in Southeastern Europe, 1890-1945* / S.G. Gross - Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – P. 233-236.

¹³¹ Ibid., p. 245.

¹³² Tutt, A. *Ausländerbetreuung an der Universität Heidelberg von 1928 bis 1938: Das Akademische Auslandsamt und die Vergangenheit* : Bachelorarbeit / A. Tutt. – Heidelberg, 2012. – S. 11-12.

¹³³ Koutsoukou, F. *Die deutsche Kulturpolitik in Griechenland in der Zeit des Nationalsozialismus (1933-1944)* / F. Koutsoukou - Berlin: Metropol Verlag, 2008. – S. 57.

фунт.¹³⁴ Так как немецкий государственный бюджет не позволял в полной степени оказывать материальную помощь иностранным студентам, для наиболее достойных студентов из «культурно-политически желательных» государств по мере возможности предоставлялись скидки на обучение.¹³⁵

Целью было привлечение, в первую очередь, наиболее ценных, наиболее способных студентов. Программы академического обмена были прекрасной возможностью для немецких организаций транслировать талантливой молодежи других государств определенные идеи Третьего Рейха. Помимо этого, отправлявшиеся за границу немецкие студенты были «послами культуры», представителями «новой Германии».¹³⁶ Преподаватели и студенты из Германии – осознавали они это или нет – были представителями и проводниками внешней культурной политики их страны.

В то же время реакция общественного мнения отдельных государств на приход национал-социалистов к власти в Германии прямо отразилась и на академическом обмене – страну стали покидать иностранные студенты, хотя до 1933 года Германия была, несомненно, одной из самых популярных стран для студентов¹³⁷. Наибольшее количество студентов, покинувших Германию, были из США, Венгрии, Польши и стран Балтии (к летнему семестру 1934 года – 53%, 53%, 46% и 40% студентов соответственно покинули страну), наименьшее количество вернувшихся на родину студентов были из Болгарии, Греции и Турции.¹³⁸ Студентов из Южной и Юго-Восточной Европы привлекало не только высокое качество обучения в немецких вузах, но и политический режим, установившийся в Германии с приходом к власти национал-социалистов.¹³⁹

Основным тезисом национал-социалистов для Балкан была идея об особой связи Юго-Восточной Европы и Германии, а именно то, что цивилизаторская миссия Германии оказывает благоприятное воздействие на развитие балканских государств благодаря

¹³⁴ Ebi, M. Export um jeden Preis. Die Deutsche Exportförderung von 1932-1938 / M. Ebi // Vierteljahreshefte für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte (VSWG) - 2013. Beiheft II, №174. – S. 42.

¹³⁵ Tutt A. Ausländerbetreuung an der Universität Heidelberg von 1928 bis 1938: Das Akademische Auslandsamt und die Vergangenheit : Bachelorarbeit / A. Tutt. – Heidelberg, 2012. – S. 13.

¹³⁶ Ibid., S. 10.

¹³⁷ Более половины студентов, получавших образование не в своей родной стране, обучались в Германии.

¹³⁸ Impekoven, H. Deutsche Wissenschaft von außen beurteilt – Überlegungen zur Attraktivität deutscher Universitäten und Hochschulen für ausländische Wissenschaftler und Studenten (1933-1945) / H. Impekoven // Universitäten und Studenten im Dritten Reich / ed.: J. Scholtyseck, C. Studt – Berlin: LIT Verlag, 2008. – S. 164.

¹³⁹ Dafinger, J. Student and Scholar Mobility between Nazi Germany and Southern/Southeastern Europe / J. Dafinger // Nazi Germany and Southern Europe, 1933-1945. Science, Culture, Politics / ed.: F. Clara, C. Ninhos - Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 59.

торговле и передаче технологий и ноу-хау. Приглашая к себе талантливую молодежь, организаторы образовательного обмена стремились к тому, что Германия, собственная экономика которой развивалась очень быстрыми темпами, станет «наставником» юго-восточной Европы, оказывая помощь в развитии экономики Балкан, что позволит усилить влияние Германии в регионе и обеспечить в долгосрочной перспективе надежный импорт ресурсов, которые необходимы Германии.¹⁴⁰

Тем не менее, существенный недостаток программ академического обмена состоял в том, что было недостаточно времени для их развития и достижения более ощутимых результатов. «Мягкая сила» Германии имела успех на Балканах, так как немецкие организации смогли понять ключевые интересы местных элит и предложить то, что им было в тот момент необходимо – средства, технологии, знания и обученные кадры для модернизации государств. Согласно данным Совета инженеров Румынии, к 1940 в стране было 6945 высококвалифицированных инженеров, 1288 из которых (18,5%) получили образование в Германии.¹⁴¹ Помимо этого, Балканы были единственным регионом, в котором благодаря интересам бизнеса и отдельных организаций, можно было проследить более-менее четкую целенаправленную политику Германии и координацию действий ее проводников.

Еще одним препятствием был языковой барьер. В Европе, где немецкий язык был достаточно распространен, особенно в научной среде, удавалось находить общий язык между преподавателями и студентами. Однако, например, в Китае у преподавателей из Германии регулярно возникали проблемы со взаимопониманием и приходилось приглашать переводчиков, несмотря на то что академические контакты между университетом Тунцзи и немецкими университетами поощрялись еще со времен Германской империи.¹⁴²

Распространение немецкого языка являлось одним из важных направлений внешней культурной политики Третьего Рейха. Политика по распространению немецкого языка являлась выражением политического превосходства Рейха и средством его сохранения. Как отмечал президент Немецкой академии, главной задачей которой и

¹⁴⁰ Gross, S.G. *Export Empire: German Soft Power in Southeastern Europe, 1890-1945* / S.G. Gross - Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – P. 245.

¹⁴¹ Ibid., p. 250.

¹⁴² Dinckal, N. Detlev, M. *Deutsche Wissenschaft und chinesische Geisteskultur* / N. Dinckal, M. Detlev // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. – 2012. №9. – S. 707.

являлось распространение немецкого языка за рубежом, Зиберт, «кто хотел сидеть с великой Германией за одним столом должен был признать, как минимум, такое же значение немецкого языка, как и своего родного».¹⁴³ Для распространения немецкого языка за рубежом использовались разные средства: обучение зарубежных преподавателей, предоставление учебных материалов, финансирование немецкоязычных театров, распространение немецких книг, газет и журнал за границей.¹⁴⁴

Помимо Немецкой академии распространению немецкого языка служили немецкие заграничные школы. Немецкие заграничные школы не были правительственными школами, а основывались немецкими заграничными школьными объединениями, церковными приходами. В период Веймарской республики школы практически не получали финансовой помощи от правительства. Министерство иностранных дел финансировало только внутреннюю отделку уже имеющихся школ или земельные участки для новых сооружений. В Министерстве иностранных дел зарубежными школами занимался департамент школ (Schulreferat). Учителя, которые отправлялись работать в заграничные школы, должны были зарегистрироваться в этом департаменте, туда же обращались сами школы для поиска учителей. Департамент школ также решал, какие школы получают финансирование для обеспечения их содержания.¹⁴⁵

После прихода к власти национал-социалистов во многих заграничных школах возникла неуверенность относительно политики нового правительства в сфере образования. Некоторые руководители школ боялись, что правительство будет поддерживать только школы, где учатся этнические немцы. Тем не менее, национал-социалисты практически сразу после прихода к власти оценили потенциал немецкой диаспоры за рубежом в достижении внешнеполитических целей Третьего Рейха. Школы за рубежом были еще одним инструментом распространения необходимых правительству ценностей и идей не только среди немецкой диаспоры, но и среди детей иностранцев.¹⁴⁶

¹⁴³ Цит. по: Koutsoukou, F. Die deutsche Kulturpolitik in Griechenland in der Zeit des Nationalsozialismus (1933-1944) / F. Koutsoukou - Berlin: Metropol Verlag, 2008. – S. 33.

¹⁴⁴ Gesche K. Kultur als Instrument der Außenpolitik totalitärer Staaten. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2006. S. 123.

¹⁴⁵ Waibel, J. Die deutschen Auslandsschulen – Materialien zur Außenpolitik des Dritten Reiches : doctoral thesis / J. Waibel – Frankfurt an der Oder, 2010. – S. 64.

¹⁴⁶ Ibid., S. 69.

Министерство иностранных дел в 1934 году определило задачу зарубежных школ как «познакомить живущих за границей немецких детей с жизнью новой Германии»¹⁴⁷. Цели преподавания в немецких школах за границей были также обозначены в профильном издании для преподавателей «Германская школа за рубежом»:

1. «Воспитать тысячи проживающих за границей молодых людей в духе любви к Отечеству, взрастить в них объединяющие с нашей Родиной и фюрером качества такие, как решимость и мужество духа»¹⁴⁸

Институт немецких школ за рубежом стал идеальным средством «народного влияния» на проживавших за границей этнических немцев. Во время обучения дети впитывали немецкий дух, немецкий образ мыслей, немецкий стиль жизни и неосознанно переносили его на другие сферы жизни, отношения с родителями и друзьями.¹⁴⁹ В зарубежных школах распространялись национал-социалистические ценности, что находило позитивный резонанс среди немцев, проживавших в других странах. Многим из них была «чужда политически слабая Веймарская республика, не имевшая ничего общего с их ностальгией по прежнему Отечеству»¹⁵⁰. Вера в то, что новая власть возродит прежнюю великую Германию была сильнее рациональных убеждений.

2. Иностранцы, направляющие детей в немецкие школы, «должны будут убедиться в доброй воле немецкого народа»

Культурно-политическое значение зарубежных школ содержалось в том, что они были прекрасной возможностью распространить знания немецкого языка среди иностранцев, прежде всего населения принимающей страны, и пробудить понимание немецкого духа изнутри.¹⁵¹ Кроме того, выпускные экзамены в немецкой заграничной

¹⁴⁷ Цит. по: Waibel, J. Die deutschen Auslandsschulen – Materialien zur Außenpolitik des Dritten Reiches : doctoral thesis / J. Waibel – Frankfurt an der Oder, 2010. – S. 71.

¹⁴⁸ Огнева, А.В. Германские школы за рубежом как инструмент внешней культурной политики ФРГ / А.В. Огнева // Вестник Томского государственного университета – 2011. №351. – С. 97.

¹⁴⁹ Klaus, W. Ein Erfolgsmodell – Deutsche Schulen im Ausland / W. Klaus // Kultur und Außenpolitik: Handbuch für Studium und Praxis / ed.: K.J. Maaß – Baden-Baden: Nomos, 2009. P. 38.

¹⁵⁰ Огнева, А.В. Германские школы за рубежом как инструмент внешней культурной политики ФРГ / А.В. Огнева // Вестник Томского государственного университета – 2011. №351. – С. 97.

¹⁵¹ Там же, с. 97.

школе позволяли ученикам продолжить обучение как в стране проживания, так и в Германии.¹⁵²

Всего в 1930е годы в немецких заграничных школах обучались около 8000 школьников. В Европе находилась 51 немецкая школа, в Азии – 22, в Африке – 23, в Южной Америке – 64.¹⁵³ Однако возможности использования заграничных школ национал-социалистами для достижения своих внешнеполитических целей ограничивались путем издания некоторыми правительствами законов, запрещавших их гражданам посещать зарубежные школы (например, в Греции, Турции, Болгарии), что привело к сокращению количества учеников в немецких школах. Также на работе школ негативно сказывалась политическая нестабильность в государстве-пребывания, которая в некоторых странах приводила к началу вооруженных конфликтов и гражданских войн (например, Китай, Испания, Афганистан).¹⁵⁴

2.3 Распространение образа «новой Германии» среди мировой общественности

Германское руководство придавало серьезное значение информации, исходящей из страны, так как от этого напрямую зависел имидж Германии. После прихода к власти национал-социалистов одной из главных задач информационной политики стало распространение позитивной информации о «новой Германии».¹⁵⁵ После унификации германских СМИ сообщения иностранных корреспондентов были единственным доступным широкой общественности источником информации о событиях, не находившимся под прямым влиянием национал-социалистов. Таким образом, репортеры в Германии играли одну из главнейших ролей в построении образа Германии за рубежом.

Значимость иностранных корреспондентов в распространении информации обусловила повышенный интерес Гитлера, Геббельса и Риббентропа к представителям международной печати. Иностранные корреспонденты стали важным адресатом и

¹⁵² Koutsoukou, F. Die deutsche Kulturpolitik in Griechenland in der Zeit des Nationalsozialismus (1933-1944) / F. Koutsoukou - Berlin: Metropol Verlag, 2008. – S. 53.

¹⁵³ Waibel, J. Die deutschen Auslandsschulen – Materialien zur Außenpolitik des Dritten Reiches : doctoral thesis / J. Waibel – Frankfurt an der Oder, 2010. – S. 14.

¹⁵⁴ Abelein, M. Die Kulturpolitik des Deutschen Reiches und der Bundesrepublik Deutschland / M. Abelein – Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 1968. – S. 135-136.

¹⁵⁵ Санжиева, Л.Б. Иностранные корреспонденты в Третьем Рейхе / Л.Б. Санжиева // Власть. – 2012. №7. – С. 100.

одновременно важным средством их пропаганды.¹⁵⁶ Новости, публиковавшиеся нацистскими ведомствами, казались читателям или слушателям неправдоподобными. Однако те же самые сообщения, распространявшиеся иностранными корреспондентами, заслуживали большее доверие, так как корреспонденты не должны были быть заинтересованы в намеренном оказании какого-либо влияния на иностранную аудиторию в пользу государства, о котором они писали.¹⁵⁷

Помимо сообщений от корреспондентов в Германии, зарубежная публика могла получать информацию о «новой Германии» из газет, выпускавшихся специально для проживавшей в стране или регионе немецкой диаспоры (например, *Ostasiatischer Beobachter* в Китае, *Der Trommler* в Аргентине или *Westküsten-Beobachter* в Чили). При этом преследовались как партийно-политические, так и культурно-политические цели. Организационная и содержательная подготовка газет были ответственностью Зарубежной организации НСДАП.¹⁵⁸

Наиболее современным и эффективным средством распространения информации стало радио. По сравнению с печатной продукцией, с его помощью можно было охватить большую аудиторию. Кроме того, с помощью радио создавалось ощущение коммуникации непосредственно между автором, диктором и слушателем.¹⁵⁹ Еще в 1920-е годы Гитлер писал в «Моей борьбе» о большем пропагандистском значении произнесенного слова, нежели написанного. «Написанное служит лишь для сохранения, укрепления и углубления» того, что было произнесено.¹⁶⁰

Прямое пропагандистское воздействие на массы выступлений Гитлера и Геббельса перед народом и их трансляция по радио обеспечили НСДАП победу на выборах, а Гитлеру приход к власти. Подобный способ, однако, невозможно было использовать, чтобы завоевать поддержку зарубежной общественности. Одним из основных

¹⁵⁶ Herzer, M. *Auslandskorrespondenten und auswärtige Pressepolitik im Dritten Reich* / M. Herzer – Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2012. – S. 7-8.

¹⁵⁷ *Ibid.*, S. 37.

¹⁵⁸ Schlüter, D. *Vom Kampfblatt zur Staatspropaganda: Die auswärtige Pressearbeit der NSDAP dokumentiert am Beispiel der NS-Wochenzeitschrift 'Westküsten-Beobachter' aus Chile (Formen der Erinnerung)* / D. Schlüter – Göttingen: V&R unipress, 2016. – S. 7-8.

¹⁵⁹ Crone, M. *Hilversum unter dem Hakenkreuz: die Rundfunkpolitik der Nationalsozialisten in den besetzten Niederlanden* / M. Crone – München: Saur, 1983. – P. 20.

¹⁶⁰ Hitler, A. *Mein Kampf* / A. Hitler – München: Eher, 1936. – S. 532.

препятствий был языковой барьер, ограничивавший возможности прямого влияния.¹⁶¹ Транслировавшиеся во Франции в ходе «Международного обмена программ» речи Гитлера не достигли ожидаемого массового влияния, так как большинству они так и остались непонятными в силу недостаточных знаний немецкого языка.¹⁶²

В связи с трудностями в понимании сообщений на немецком языке, долгое время основной аудиторией зарубежного радиовещания были этнические немцы, проживавшие в различных государствах, поэтому радиовещание было ориентировано прежде всего на консолидацию этнических немцев за рубежом. Они должны были быть в курсе происходящих событий и понимать намерения национал-социалистического правительства. Также необходимо было ближе познакомить соотечественников с идеологией национал-социализма, с тем чтобы они могли распространять ее в стране проживания. В европейских государствах, особенно соседних с Германией, к нацистскому правительству относились с недоверием и неприятием, поэтому с помощью радио немецкое правительство стремилось создать образ миролюбивого государства, которое не планирует начать войну и не имеет необоснованных территориальных притязаний.¹⁶³

В радиовещании на зарубежные страны нацистская пропаганда ставила задачу достичь такой популярности, которая позволила бы ей конкурировать с местными СМИ и радиопередачами других стран. Радио должно было «познакомить весь мир с национал-социалистическим искусством и культурой, которые действительно соответствовали современному ритму и ощущению времени».¹⁶⁴ Особенно важным шагом было создание радиовещания на иностранных языках (чешский, французский, английский, польский, арабский), основной акцент делался при этом на европейские государства. К 1943 году сообщения по радио транслировались на 59 языках.

СМИ были не единственным инструментом распространения определенной информации. После прихода к власти национал-социалисты стали использовать возможности кинематографа для влияния на общественность. Так же, как и радио, кино

¹⁶¹ Boelcke, W.A. Die Macht des Radios. Weltpolitik und Auslandsrundfunk 1924-1976 / W.A. Boelcke – Frankfurt am Main: Ullstein, 1977. – S. 44.

¹⁶² Ibid., S. 73.

¹⁶³ Crone, M. Hilversum unter dem Hakenkreuz: die Rundfunkpolitik der Nationalsozialisten in den besetzten Niederlanden / M. Crone – München: Saur, 1983. – S. 20.

¹⁶⁴ Goebbels J. Ansprache an die Intendanten und Direktoren der Rundfunkgesellschaften, Berlin, Haus des Rundfunks (25. März 1933) // Deutsche Geschichte in Dokumenten und Bildern. URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=1579&language=german (дата обращения: 1.04.2018).

прекрасно подходило для распространения политических идей. По сравнению с газетами или радио, фильмы были с технико-эстетической точки зрения более совершенным коммуникативным средством. Транслируемые таким образом идеи быстро и легко воспринимались реципиентами.¹⁶⁵

Большинство показываемых фильмов, особенно те, которые демонстрировались зарубежной публике, имели развлекательный или псевдодокументальный характер. Геббельс придерживался мнения, что пропагандистское воздействие кино будет более эффективным тогда, если реципиент не заметит в фильме элементы пропаганды. По своей форме и содержанию такие фильмы напоминали голливудские, однако национал-социалисты хотели не имитировать голливудское кино, а создать их немецкую версию и тем самым «обогнать» американское производство.¹⁶⁶

Помимо СМИ и кинематографа, национал-социалисты также использовали различные мероприятия как площадку для демонстрации достижений режима. Крупные международные мероприятия были прекрасной возможностью продемонстрировать «новую Германию». Спорт и культура исключительно хорошо подходили для деполитизации масс. Благодаря этому мероприятия и сопровождавшее их освещение в СМИ могли косвенно способствовать повышению одобрения политических должностных лиц, которые непосредственно ассоциировались с определенным спортивным событием.¹⁶⁷

Как и в большинстве областей политической и культурной жизни Третьего Рейха, в области спорта НСДАП тоже не имело последовательной концепции развития спортивных связей с зарубежными государствами.¹⁶⁸ С 1932 года стал заметен успех немецких спортсменов на международных соревнованиях. В связи с этим спортивные функционеры Третьего Рейха стали использовать спортсменов для презентации немецкого спорта за рубежом, завоевания симпатий к «новой Германии» и преодоления культурной

¹⁶⁵ Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des deutschen Faschismus. – München: Carl Hanser Verlag, 1996. – S. 269.

¹⁶⁶ Fiss, K. Grand Illusion: The Third Reich. The Paris Exposition and, the Cultural Seduction of France / K. Fiss - Chicago: University of Chicago Press, 2010. – P. 137-139.

¹⁶⁷ Skor, H. «Brücken über den Rhein» Frankreich in der Wahrnehmung und Propaganda des Dritten Reiches, 1933-1939 / H. Skor - Essen: Klartext, 2011. – S. 299.

¹⁶⁸ Teichler, H.J. Internationale Sportpolitik im Dritten Reich / H.J. Teichler -Schorndorf: Hoffmann-Verlag, 1991. – S. 49.

изоляции.¹⁶⁹ Не в последнюю очередь успехи немецких спортсменов сподвигли Гитлера, по предложению Чаммера унд Остена, Геббельса и других нацистских политиков, провести Олимпийские игры 1936 года в Берлине с использованием максимально возможных средств, что показать зарубежной общественности «новую Германию, гостеприимно распахивающую свои ворота перед гостями со всего мира».¹⁷⁰

Наряду с Олимпийскими играми особенным событием стало участие в международной выставке в Париже, которая имела важное значение для установления экономических отношений между государствами. Среди всех мировых выставок Парижскую выставку 1937 года отличало стремление государств к самопрезентации. Особенно сильно это было заметно в павильонах тех государств, в которых происходили общественно-идеологические перемены: в павильонах Советского Союза, Германии, Италии и Испании.¹⁷¹

С точки зрения французской дипломатии, участие Германии в выставке было мотивировано стремлением представить миру технические изобретения наивысшего качества и тем самым создать рекламу для немецкой индустрии и экономики. Для Берлина было наиболее важно в открытом соревновании между различными нациями оставить положительное впечатление о себе. Было сделано все, чтобы улучшить внешнеэкономические отношения Германии с другими странами, особенно с Францией.¹⁷²

Для представления национал-социалистической культуры особая роль отводилась «немецкому дому», расположенному в центре Парижа. При проектировании «немецкого дома» возникали многочисленные конфликты между различными министерствами Третьего Рейха. Самое большое противоречие было между четырехлетним планом Гитлера, его стремлением к автаркии в экономической сфере, но в то же время достаточно сильной зависимости от других государств и участием Германии в выставке, чтобы установить и укрепить экономические отношения с другими странами.¹⁷³

¹⁶⁹ Skor, H. «Brücken über den Rhein» Frankreich in der Wahrnehmung und Propaganda des Dritten Reiches, 1933-1939 / H. Skor - Essen: Klartext, 2011. – S. 309.

¹⁷⁰ Ibid., S. 311.

¹⁷¹ Kretschner, W. Geschichte der Weltausstellungen / W. Kretschner – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1999. – S. 200.

¹⁷² Skor, H. «Brücken über den Rhein» Frankreich in der Wahrnehmung und Propaganda des Dritten Reiches, 1933-1939 / H. Skor - Essen: Klartext, 2011. – S. 342.

¹⁷³ Fiss, K. In Hitler's Salon: The German Pavilion at the 1937 Paris Exposition Internationale / K. Fiss // Art, Culture and Media under the Third Reich / ed.: R.A. Etlin - Chicago: University of Chicago Press, 2002. – P. 318.

Чтобы представить Третий Рейх как надежного экономического партнера, в «немецком доме» были выставлены многочисленные продукты высочайшего качества, произведенные в Германии. Кроме того, на выставке важную роль играла также культура и была призвана служить выражением немецкого духа.¹⁷⁴ Искусство и архитектура привязывались к неоклассической традиции и стилистически были скорее регрессивными, в то время как немецкая технологическая продукция должна была, наоборот, впечатлить публику своей прогрессивностью.¹⁷⁵

Для реализации данного проекта было необходимо колоссальное количество денег, определенную финансовую помощь предоставила сама Франция. Тем самым во французской общественности нашел подтверждение факт, что Германия в ближайшее время, определенно, не планирует начинать войну, так как она потратила слишком много денег на участие в выставке.¹⁷⁶ Стоимость постройки немецкого павильона была, как минимум, в пять раз больше, чем постройка павильона любой другой страны-участницы. В качестве доказательства немецкой работоспособности постоянно подчеркивалось, что несмотря на то, что немецкий павильон по размеру и усилиям превосходил другие нации, он единственный был построен вовремя. Представление себя как технологически прогрессивной нации имело вполне определенную цель – как можно более скорое восстановление и расширение внешнеэкономических отношений.¹⁷⁷

Затраченные усилия и средства, определенно, стоили того: немецкий павильон был одним из самых посещаемых и высоко оцененных павильонов на выставке. Популярность немецкого павильона была связана с тем, что в отличие от находящегося прямо напротив советского павильона, Германия не пропагандировала открыто свою идеологию. Наоборот, национал-социалистам удалось выдвинуть на первый план передовую технику, новаторскую науку и национальную работоспособность. Результатом был двойной успех: во-первых, немцам удалось представить диктатуру перед глазами общественности в достаточно приемлемой форме, во-вторых, им удалось добиться определенного признания культурной ориентации Третьего Рейха. Свидетельством последнего стали 273 гран-при,

¹⁷⁴ Skor, H. «Brücken über den Rhein» Frankreich in der Wahrnehmung und Propaganda des Dritten Reiches, 1933-1939 / H. Skor - Essen: Klartext, 2011. – S. 69-70.

¹⁷⁵ Fiss, K. Grand Illusion: The Third Reich. The Paris Exposition and, the Cultural Seduction of France / K. Fiss - Chicago: University of Chicago Press, 2010. – P. 45.

¹⁷⁶ Ibid., p. 53-54.

¹⁷⁷ Skor, H. «Brücken über den Rhein» Frankreich in der Wahrnehmung und Propaganda des Dritten Reiches, 1933-1939 / H. Skor - Essen: Klartext, 2011. – S. 351-352.

которыми были удостоены немецкие деятели культуры, в особенности Альберт Шпеер за его концепцию немецкого павильона.¹⁷⁸

Таким образом, рассмотрев основные инструменты «мягкой силы», используемые Третьим Рейхом, мы пришли к выводу, что концепция Дж. Най может быть применена для анализа внешней политики Третьего Рейха. К нематериальным источникам «мягкой силы» Дж. Най относил привлекательность культуры, политических ценностей и внешнюю политику. Во внешней политике Третьего Рейха они являются основными источниками «мягкой силы». С помощью культуры национал-социалисты хотели продемонстрировать связь «новой Германии» с Древней Грецией, используя классические символы и атрибуты и наполняя их собственным содержанием. Представляя всему миру достижения немецкой науки в области медицины, экономики и инженерного дела, развивая программы академического обмена и поддерживая студентов предоставлением стипендий, они стремились представить Третий Рейх на мировой арене как технически передовую державу. Помимо этого, студенты, учившиеся по обмену в Третьем Рейхе, должны были вернуться на родину (что было неременным условием предоставления стипендий), поделиться полученным опытом и знаниями с соотечественниками. В то же время Третий Рейх в их лице получал группы лояльности за границей.

Культура была использована национал-социалистами также, чтобы представить всему миру свои ценности и идеалы. Несмотря на то, что диктаторский характер и расистская политика нового правительства вызывали беспокойство и неприятие у великих держав с демократическим режимом (особенно США и Великобритании), они в то же время находили поддержку в некоторых других государствах. Это были более слабые государства, для которых Германия была старшим партнером или даже «наставником». Последовавшие вскоре после прихода к власти национал-социалистов сообщения о результатах, достигнутых благодаря политике «жесткой руки», вызвали интерес во Франции, переживавшей период экономического и социального напряжения. Наиболее успешной «мягкая сила» Третьего Рейха была в Юго-Восточной Европе, потому что национал-социалистам удалось предложить правительствам молодых государств то, что

¹⁷⁸ Ibid., S. 353.

им было нужно в тот момент – возможности для индустриализации и экономического развития их стран за счет немецких технологий и знаний.

Нельзя не отметить, что несмотря на категорическое неприятие нового режима в Германии, и Великобритании, и США приняли участие в крупнейшей «инсценировке» национал-социалистов – Олимпийских играх 1936 года, во время которых правительству удалось представить всему миру «новую Германию» в лучшем свете.

3. Олимпийские игры 1936 года как инструмент «мягкой силы»

XI Олимпийские игры 1936 года в Берлине особым образом выделяются среди всех Олимпиад Нового времени. Впервые Игры проводились в государстве с диктаторским политическим режимом, что вызвало не только критику ведущих мировых держав, но и стало причиной широкого международного движения за бойкот Олимпиады. Впервые Игры получили практически неограниченную организационную, рекламную и финансовую поддержку правительства. Проведение Олимпийских игр Адольф Гитлер назвал «национальной задачей».¹⁷⁹

Несмотря на то, что с момента проведения берлинской Олимпиады прошло уже более восьмидесяти лет, интерес историков и политиков¹⁸⁰ к событиям августа 1936 года не утихает до сих пор. Большинство современных историков оценивают Олимпийские игры 1936 года как «наглядный пример использования спорта в интересах политики».¹⁸¹ Олимпиада в Берлине стала одной из наиболее впечатляющих массовых инсценировок Третьего Рейха. По словам генерального секретаря оргкомитета Олимпиады К. Дима, «Олимпийские игры, проводящиеся в собственном государстве, являются частью и выражением национальной репрезентации».¹⁸² На 16 дней Берлин стал сценой для репрезентации нацистского режима, а олимпийское соревнование наций превратилось в спектакль национального возрождения и немецкого величия.¹⁸³ В данной работе берлинская Олимпиада приводится и анализируется как конкретный пример использования возможностей «мягкой силы» Третьим Рейхом для достижения внешнеполитических целей.

¹⁷⁹ Grothe, E. Die Olympischen Spiele von 1936 – Höhepunkt der NS-Propaganda? / E. Grothe // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. - 2008. №5/6. – S. 296.

¹⁸⁰ См. например: Boris Johnson compares Russian World Cup to Hitler's 1936 Olympics // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/football/2018/mar/21/boris-johnson-compares-russian-world-cup-to-hitlers-1936-olympics> (дата обращения 03.05.2018).

¹⁸¹ Grothe, E. Die Olympischen Spiele von 1936 – Höhepunkt der NS-Propaganda? / E. Grothe // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. - 2008. №5/6. – S. 292.

¹⁸² Цит. по: Reichel, P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus / P. Reichel - München: Carl Hensner Verlag, 1996. – S. 263.

¹⁸³ Alkemeyer, T. Körper, Kult und Politik: von der "Muskelreligion" Pierre de Coubertins zur Inszenierung von Macht in den Olympischen Spielen von 1936 / T. Alkemeyer - Frankfurt am Main: Campus-Verl., 1996. – S. 3.

3.1 Организация Игр

Решение о проведении Олимпийских игр в Германии впервые было принято в 1912 году, но Игры так и не состоялись в связи с началом мировой войны. После ее окончания Германия оказалась в международной изоляции, и германские спортсмены не были допущены к участию в Олимпиадах 1920 и 1924 годов. В 1928 году ограничения для германских атлетов были сняты, и на Олимпийских играх 1928 года Германия заняла второе место и затем подала заявку на проведение Игр. 13 мая 1931 года в Лозанне Международный олимпийский комитет передал Берлину право на проведение летних Олимпийских игр 1936 года¹⁸⁴.

Получение каким-либо государством права принять крупнейшие международные события связывается с признанием его международным сообществом или его высоким политическим статусом¹⁸⁵. Среди прочих «спектаклей национального самосознания» Олимпийские игры выделяются своей особенной привлекательностью для глобальной аудитории, которая достигается с помощью создания атмосферы праздника. Вместе с этим Олимпийские игры рассматриваются не просто как определенное послание международному сообществу, а как медиа – как площадка для демонстрации политического влияния и экономической мощи принимающего государства.¹⁸⁶

Проведение Олимпийских игр является уникальной возможностью для страны-организатора завоевать признание и восхищение со стороны других стран.¹⁸⁷ Для Германии получение права на проведение Олимпийских игр означало признание государства мировым сообществом и возвращение Германии на мировую арену. Действия германского правительства были сосредоточены на создании привлекательности и обеспечении поддержки режима, что позволяет говорить об Олимпиаде 1936 года как об одном из инструментов «мягкой силы» Третьего Рейха.

¹⁸⁴ Alkemeyer, T. Körper, Kult und Politik: von der "Muskelreligion" Pierre de Coubertins zur Inszenierung von Macht in den Olympischen Spielen von 1936 / T. Alkemeyer - Frankfurt am Main: Campus-Verl., 1996. – S. 233-236.

¹⁸⁵ Жеребцова В.Б. Спортивные мега-события как механизм формирования имиджа государства / В.Б. Жеребцова // PR в международных отношениях. Прикладные аспекты / под редакцией Выходца Р.С. – СПб: «Экспертные решения», 2015. – С. 84.

¹⁸⁶ Dayan D. Beyond media events: disenchantment, derailment, and disruption / D. Dayan // Media events in a global age – New York: Routledge, 2010. – P. 23.

¹⁸⁷ Русакова, О.Ф. Методологические проблемы категориального и инструментального анализа soft power / О.Ф. Русакова // Научный журнал «Дискурс-Пи». - 2014. №1 (14). – С. 72.

При организации Олимпийских игр для национал-социалистов речь шла не о спорте, а о создании «прекрасного блеска» – позитивного имиджа Германии. «Мягкая сила» в данном случае использовалась на глобальном (распространение определенных идей среди мирового сообщества) и национальном уровне (продвижение культуры и интересов государства).¹⁸⁸ Немецкий журналист Ф. Экхардт также выделяет среди внутривнутриполитических целей – подготовку народа к предстоящей войне.¹⁸⁹ Тем не менее, в 1933 году было еще слишком рано говорить о войне, основной задачей нацистского правительства было укрепление позиций режима внутри страны и усиление веры народа в новую власть.

К внешнеполитическим целям относилось, в первую очередь, возвращение Германии на мировую арену на равных с другими державами. Германия должна была предстать перед миром миролюбивой страной, которая во внутренней политике является более либеральной, чем утверждают критики.¹⁹⁰ 31 июля 1936 года Геббельс принял более 1200 представителей германской и зарубежной прессы. На приеме также присутствовали члены МОК во главе с президентом. Геббельс подчеркнул, что во время Олимпиады гости увидят Германию «такой, какая она есть», а не «потемкинские деревни». Также он уверил гостей в безосновательности всех обвинений в сторону Германии в том, что на Играх правительство занимается пропагандой для своего государства.¹⁹¹

Среди целей нацистского правительства Х.Й. Тайхлер выделяет, помимо стремления произвести положительное впечатление на мировое общественное мнение, также намерение отвлечь внимания мировых держав от тайной милитаризации страны.¹⁹² Однако в 1933 году речь опять же шла не о войне, а в первую очередь, об укреплении позиций нового правительства на международной арене. Приход к власти нацистов был очень неоднозначно оценен в мире. Агрессивная расовая политика, насильственное приобщение к господствующей идеологии, вследствие чего началась волна эмиграции, вызывали недовольство и беспокойство в других странах. Газетные статьи и рассказы

¹⁸⁸ Тайхлер Х.Й. Кубертен и Третий Рейх. О предыстории неопубликованного письма Кубертена Гитлеру (1937) / Х.Й. Тайхлер // Философско-литературный журнал Логос. - 2009. № 4-5 (72). – С. 139.

¹⁸⁹ Eckhardt, F. Olympia im Zeichen der Propaganda – Wie das NS-Regime die ersten Medienspiele inszenierte / F. Eckhardt // Medien im Nationalsozialismus. - Paderborn: Schöningh, 2010. – S. 237.

¹⁹⁰ Bellers, J. Presse, Außenpolitik und Olympische Spiele 1936 / J. Bellers - Siegen: Univ., 2012. – S. 7.

¹⁹¹ «Weltpressefrieden» // FZ. №389. 1.08.1936. S. 1-2. Цит. по: Bohrmann, H. NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Edition und Dokumentation, Bd.4/1936 / H. Bohrmann - München: K.G. Saur Verlag, 1993. – S. 826-827.

¹⁹² Тайхлер Х.Й. Кубертен и Третий Рейх. О предыстории неопубликованного письма Кубертена Гитлеру (1937) / Х.Й. Тайхлер // Философско-литературный журнал Логос. - 2009. № 4-5 (72). – С. 139.

эмигрировавших немцев и возвращавшихся обратно на родину иностранцев негативным образом сказывались на имидже Третьего Рейха на мировой арене.

На фоне этого национал-социалистам было особенно важно продемонстрировать достижения нового правительства. При этом было важно не просто опровергнуть сообщения в СМИ, а пригласить иностранцев к себе, чтобы они собственными глазами увидели «новую Германию», потому что увиденное вживую воспринимается как истинное. На первый план выдвигалось быстрое преодоление последствий мирового экономического кризиса, снижение уровня безработицы, достижение политической стабильности после нескольких лет кризиса. Все, что видели гости, должно было сразу же ассоциироваться с заслугами установившегося режима.

Основным источником «мягкой силы» Третьего Рейха являлась культура. Олимпизм предложил рамки – церемонии, ритуалы, спортивные дисциплины, спортивную борьбу –, которые правительство Третьего рейха наполнило содержанием.¹⁹³ При подготовке Игр организаторы опирались на те идейные составляющие, символические формы и эстетические мотивы, которые можно было привести в соответствие с действительностью Третьего рейха. Речь шла об использовании (Gebrauch) олимпийской идеи, о выборочном заимствовании, переосмыслении и перераспределении уже имеющихся ресурсов и структур, а не о злоупотреблении (Missbrauch) олимпийской идеей. Олимпиада соответствовала нацистской программе еще и по своей природе. Согласно нацистской пропаганде, германская цивилизация является наследником культуры классической Греции. Проведение Олимпийских игр в Берлине должно было еще больше подчеркнуть эту связь.¹⁹⁴

Главной особенностью «мягкой силы» Третьего Рейха и Олимпийских игр 1936 года, в частности, является ее тесная связь с государственной политикой. Кубертен как приверженец «либеральной идеи» задумывал Олимпийские игры как институт гражданского общества.¹⁹⁵ Игры в Берлине, наоборот, должны были способствовать созданию у гостей олимпийской столицы впечатления о Германии как о всеобъемлющем

¹⁹³ Gebauer, G. Körper- und Einbildungskraft. Inszenierungen des Helden im Sport / G. Gebauer - Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1988. – S. 12.

¹⁹⁴ Alkemeyer, T. Körper, Kult und Politik: von der “Muskelreligion” Pierre de Coubertins zur Inszenierung von Macht in den Olympischen Spielen von 1936 / T. Alkemeyer - Frankfurt am Main: Campus-Verl., 1996. – S. 534.

¹⁹⁵ Coubertin, P. Der Olympische Gedanke. Reden und Aufsätze / P. Coubertin – Köln: Olympischer Sport-Verlag, 1969. – S. 57.

государстве (totaler Staat), которое вобрало в себя все структуры гражданского общества.¹⁹⁶

После того, как организация Олимпиады была уже окончательно передана Германии, НСДАП приложила все усилия, чтобы должности в Немецкой олимпийской академии и Олимпийском комитете заняли верные режиму люди. На Венском заседании МОК был представлен Олимпийский комитет с Карлом Димом в качестве Генерального секретаря. Путем изменения устава имперские ведомства обеспечили себе господствующее положение в Олимпийском комитете. В октябре 1934 года Левальд подписал заявление, в котором обязался во всех важных вопросах действовать с согласия министерства внутренних дел и постоянно держать его в курсе событий. После фактического подчинения Олимпийского комитета ведомствам Рейха Олимпийские игры стали инструментом нацистской политики. Впервые в истории современного олимпийского движения проведение Игр оказалось полностью в руках государства.¹⁹⁷

В январе 1934 года был создан комитет по Олимпийским играм в Министерстве пропаганды.¹⁹⁸ Комитет олимпийской пропаганды находился вместе с Олимпийским комитетом и имперским руководителем спорта¹⁹⁹ на Гарденбергштрассе.²⁰⁰ Такая локальная централизация сделала возможной интенсивную координацию разнообразных мероприятий и служит доказательством слияния значительных частей олимпийского движения и государственной бюрократии. Таким образом, пропаганда, равно как и проведение Олимпийских игр находилась по большей части в руках государства.

При этом МИД и Министерство пропаганды постоянно соперничали в области международных спортивных связей. Роль МИД сводилась лишь к планированию и проведению общественно-политических мероприятий, сопровождавших берлинские

¹⁹⁶ Alkemeyer, T. Körper, Kult und Politik: von der "Muskelreligion" Pierre de Coubertins zur Inszenierung von Macht in den Olympischen Spielen von 1936 / T. Alkemeyer - Frankfurt am Main: Campus-Verl., 1996. – S. 525.

¹⁹⁷ Ibid., S. 467.

¹⁹⁸ Grothe, E. Die Olympischen Spiele von 1936 – Höhepunkt der NS-Propaganda? / E. Grothe // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. - 2008. №5/6. – S. 296.

¹⁹⁹ Следует отметить, что имперский руководитель спорта Ганс фон Чаммер унд Остен был группенфюрером СА и до этого не имел никакой квалификации в области спорта. Решающим фактором для его назначения на эту должность была его компетентность в области военно-прикладных видов спорта СА. К тому же он обладал знаниями и способностями, редко встречающимися в рядах верхушки НСДАП: он имел образование переводчика с английского и французского языков и обладал внушительным опытом работы за границей.

²⁰⁰ Alkemeyer, T. Körper, Kult und Politik: von der "Muskelreligion" Pierre de Coubertins zur Inszenierung von Macht in den Olympischen Spielen von 1936 / T. Alkemeyer - Frankfurt am Main: Campus-Verl., 1996. – S. 465.

Игры, и обеспечению благоприятного внешнеполитического климата.²⁰¹ Германские дипломаты сделали все возможное, чтобы не допустить бойкота Олимпиады. Чтобы успокоить споры по поводу дискриминации евреев, национал-социалисты приглашали членов МОК, бизнесменов и политиков в Германию. По приезду они не увидели вражды, разговаривали со счастливыми немцами и получили обещания, что Игры будут открыты для всех.²⁰²

3.2 Роль СМИ в освещении Олимпийских игр

«Мягкая сила» напрямую зависит от знаний других о чьих-то привлекательных качествах.²⁰³ С 1896 года СМИ всегда имели большое значение для Олимпиады. Средства массовой информации подготавливали аудиторию к Играм, создавая особенную атмосферу. О подготовке Олимпиады, а затем и о происходившем на Олимпийских играх должен был в максимально кратчайшие сроки узнать весь мир. Заграничной рекламой занималось Центральное управление железной дороги по пассажирскому сообщению. Оно располагало 40 представительствами в важнейших европейских столицах, а также в Северной Америке, которые должны были распространять пропагандистский материал и организовывать поездки на Олимпийские игры. Кроме того, к их задачам относилось по возможности не допускать враждебную Германии прессу как олимпийских корреспондентов.²⁰⁴

Одним из важнейших инструментов формирования общественного мнения были пресс-конференции правительства. Аккредитованным журналистам изначально давались строгие указания не только относительно того, что они должны написать, а также и того, в какой части газеты и в каком порядке сообщения должны появиться в прессе. Во время Олимпийских игр журналистам предлагались конкретные темы, при освещении которых Третий Рейх должен был предстать в определенном свете. Разрешенными темами были: вермахт, успехи германской экономики, культура, техника, научно-исследовательская

²⁰¹ Ватлин, А.Ю. Германский МИД и подготовка берлинской Олимпиады 1936 года / А.Ю. Ватлин // Новая и новейшая история. - 2016. №4. – С. 30.

²⁰² Bellers, J. Presse, Außenpolitik und Olympische Spiele 1936 / J. Bellers - Siegen: Univ., 2012. – S. 9-10.

²⁰³ Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye - NY: Public Affairs, 2004. – P. 111.

²⁰⁴ Alkemeyer, T. Körper, Kult und Politik: von der “Muskelreligion” Pierre de Coubertins zur Inszenierung von Macht in den Olympischen Spielen von 1936 / T. Alkemeyer - Frankfurt am Main: Campus-Verl., 1996. – S. 214, 474.

работа, транспорт, немецкое право и политика в области народонаселения.²⁰⁵ В случае несоблюдения указаний правительства журналистам грозил штраф или иное наказание вплоть до тюремного заключения.²⁰⁶ Например, выдержка из ежедневных указаний правительственной пресс-конференции: «В субботу во время футбольного матча между Австрией и Италией игра итальянцев должна сильнее выделяться, чем до этого».²⁰⁷

Создание позитивного, привлекательного образа Германии во время Олимпийских игр было объявлено «национальной задачей» для немецкой прессы. «Журналистов просили подробно освещать события Олимпиады и ее подготовку».²⁰⁸ Особой мотивацией для журналистов стало объявление конкурса на «особенно хорошее содержание немецких газет».²⁰⁹

Во время Олимпиады главным адресатом радиосообщений стала заграничная публика: две трети всех передач были рассчитаны на зарубежную аудиторию. Главными задачами радио были создание у слушателей чувства сопричастности к транслируемым событиям и демонстрация превосходства и гегемонии «немцев». При этом необходимо было выдвигать на первый план не националистическую агитацию, а героический дух немецкого народа.

Для того, чтобы оказывать влияние на иностранную прессу, уже в декабре 1933 года была создана иностранная пресс-служба Олимпиады, которая бесплатно рассылала готовые статьи на пяти языках, которые оставалось только напечатать.²¹⁰ В 1936 году работа СМИ значительно расширилась. Пресс-служба Олимпиады готовила сообщения на 14 языках, которые при необходимости могли быть использованы как газетные сообщения.²¹¹ Во время самой Олимпиады в Берлине работали 1800 представителей прессы из 59 государств, 42 радиокomпании с более чем 120 корреспондентами. Для журналистов на территории Олимпиады были созданы впечатляющие профессиональные

²⁰⁵ Bohrmann, H. NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Edition und Dokumentation, Bd.4/1936 / H. Bohrmann - München: K.G. Saur Verlag, 1993. – S. 54.

²⁰⁶ Eckhardt, F. Olympia im Zeichen der Propaganda – Wie das NS-Regime die ersten Medienspiele inszenierte / F.Eckhardt // Medien im Nationalsozialismus. - Paderborn: Schöningh, 2010. – S. 240.

²⁰⁷ Цит. по: Hilmes, O. Berlin 1936: sechzehn Tage im August / O. Hilmes - München: Siedler, 2016. – S. 209.

²⁰⁸ Цит. по: Bohrmann, H. NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Edition und Dokumentation, Bd.4/1936 / H. Bohrmann - München: K.G. Saur Verlag, 1993. – S. 635.

²⁰⁹ Цит. по: Bohrmann, H. NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Edition und Dokumentation, Bd.4/1936 / H. Bohrmann - München: K.G. Saur Verlag, 1993. – S. 732.

²¹⁰ Krüger, A. Die Olympischen Spiele und die Weltmeinung. Ihre außenpolitische Bedeutung unter besonderer Berücksichtigung der USA / A. Krüger - Berlin u.a., 1972. – S. 92.

²¹¹ Grothe, E. Die Olympischen Spiele von 1936 – Höhepunkt der NS-Propaganda? / E. Grothe // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. - 2008. №5/6. – S. 297-298.

рабочие места. Пресс-центр был оснащен пневмопочтой, с помощью которой можно было одновременно отправлять до 30 радиосообщений в Европу и через океан.²¹²

В течение шестнадцати дней Олимпийских игр Германскому правительству удалось продемонстрировать и техническое превосходство: во время игр использовались новейшие технологии в сфере СМИ, начиная от сверхбыстрой передачи информации через океан и заканчивая прямыми телетрансляциями спортивных событий.

Помимо радио- и телевизионных сюжетов, большое влияние на иностранную аудиторию оказывали фотографии Берлинской олимпиады. Нацистское правительство обеспечило себе монополию в этой сфере: снимать на олимпийском стадионе было разрешено только избранным немецким фотографам арийского происхождения, которые должны были носить одинаковую униформу. Иностранная пресса должна была использовать только фотографии этих фотографов.²¹³

Игры в Берлине были настолько хорошо организованы и инсценированы, как ни одно состязание ранее. Благодаря самому современному техническому сопровождению, Олимпийские игры 1936 года вошли в историю как «первые медиа игры».²¹⁴ Идеальная, в том числе и с технической точки зрения, организация должна была символизировать силу и мощь немецкой нации. Дорогостоящие технические средства новейшего типа, использовавшиеся СМИ, должны были эффектно распространять посыл новой Германии, сильной как в спортивной, так и военной сфере: «С индустриальной державой, способной к таким инженерным разработкам, лучше не связываться»²¹⁵.

Пресса, радио, фотография и фильмы служили не только для утверждения и распространения идей или событий, но также для их производства: корреспондент газеты, освещающий спортивное событие, использует определенную лексику и стиль повествования; радиокорреспондент следит за определенным стилем речи; оператор выбирает определенные фрагменты и ракурсы; режиссер предпочитает определенные сюжеты другим. Таким образом, СМИ являлись, с одной стороны, фильмом, через

²¹² Eckhardt, F. Olympia im Zeichen der Propaganda – Wie das NS-Regime die ersten Medienspiele inszenierte / F. Eckhardt // Medien im Nationalsozialismus. - Paderborn: Schöningh, 2010. – S. 245-246.

²¹³ Ibid., S. 247.

²¹⁴ Ibid., S. 235.

²¹⁵ Цит. по: Hilmes, O. Berlin 1936: sechzehn Tage im August / O. Hilmes - München: Siedler, 2016. – S. 56.

который пропускались лишь определенные сюжеты, с другой стороны – продуцентами, которые конструировали собственный мир Олимпиады.²¹⁶

При помощи новейшего технического оборудования СМИ создавали и распространяли формы коллективной идентичности на локальном, национальном и глобальном уровнях. Газеты, радио и телевидение оказывали определенное воздействие на читателей/слушателей/зрителей, вызывая напряжение, радость, презрение и формируя особенное отношение к происходившим событиям. Реципиенты должны были под воздействием «мягкой силы» считать истинной получаемую информацию и воспринимать создаваемое рамками спортивного события единение, как реальный мир, отождествляя себя с ним.²¹⁷ Таким образом массы были не только объектом, но и субъектом инсценировки в Берлине. С помощью новейших технологий СМИ конструировали «медийную реальность», в которой создавался миф Берлинских игр 1936 года.²¹⁸

3.3 «Берлинская инсценировка»

Еще до начала самих Игр организаторам с помощью грандиозных планов удалось полностью расположить к себе Международный Олимпийский комитет. Весь город, а не только его часть, должен был стать обрамлением Игр. Улицы Берлина были украшены национал-социалистическими и олимпийскими флагами, а также флагами стран-участниц Игр.²¹⁹ С улиц были удалены «асоциальные элементы». Подобные «чистки» не скрывались, наоборот, о них сообщалось в ведомственных публикациях. За поддержание порядка, дисциплины и чистоты помимо полиции было ответственно еще и гестапо. При этом все акции против потенциальных нарушителей и коммунистов – в отличие от асоциалов – должны были проводиться с большой осторожностью. У иностранных гостей ни в коем случае не должно было возникнуть ощущения полицейской слежки.

Во время Олимпиады должна была быть создана атмосфера «германской Греции». Согласно интерпретации организаторов, греческая и немецкая культура имели общие

²¹⁶ Alkemeyer, T. Körper, Kult und Politik: von der “Muskelreligion” Pierre de Coubertins zur Inszenierung von Macht in den Olympischen Spielen von 1936 / T. Alkemeyer - Frankfurt am Main: Campus-Verl., 1996. – S. 474.

²¹⁷ Vollrath, A. Olympia bewegt. Zur Inszenierung kollektiver Identität am Beispiel der Olympischen Spiele von Sydney 2000 : Reiches : doctoral thesis / A. Vollrath. - Sydney, 2007. – S. 51-52.

²¹⁸ Skor, H. «Brücken über den Rhein» Frankreich in der Wahrnehmung und Propaganda des Dritten Reiches, 1933-1939 / H. Skor - Essen: Klartext, 2011. – S. 313.

²¹⁹ Hilmes, O. Berlin 1936: sechzehn Tage im August / O. Hilmes - München: Siedler, 2016. – S. 22.

«расовые» корни. Нацистская элита претендовала на такую же ведущую роль для Германии в современном мире, какую играла античная Греция в свое время. Олимпийская церемония, организованная по античному образцу, позволила нацистскому государству органично вписаться в уважаемую традицию классицизма, имевшей большую популярность в Европе и США в то время.²²⁰

Одними из важнейших событий «берлинской инсценировки» были эстафета олимпийского огня и церемония открытия. Данные «ритуалы» в значительной степени определяют впечатление публики от Игр в целом. Церемонии открытия и закрытия являются ключевыми моментами мега-событий. За короткий срок принимающая сторона стремится показать все культурное многообразие страны, отдельно обозначив принимающий регион и город.²²¹

Эстафета олимпийского огня была впервые организована на Олимпиаде в Берлине. Желая представить вновь возродившийся совершенный «эллинизм», Третий Рейх, очевидно, заимствовал символику огня у античных Афин, где с помощью факельной эстафеты праздновался праздник Прометея и Афины.²²² Публично заявлялось, что эстафета должна стать «объединяющим народы элементом, который должен был продемонстрировать немецкую волю к миру как внутри страны, так и за ее пределами», о чем широко сообщалось по радио, в местных газетах, а также в официальной олимпийской газете. В данном случае «мягкая сила» основывалась не на привлекательности, а на кооперации людей и стремлении объединить этнических немцев.

Население разных стран, тем не менее, очень неоднозначно восприняло эстафету. В самой Греции к ритуалу отнеслись позитивно, в Вене во время праздничных гуляний австрийские национал-социалисты объявили о своем желании присоединить Австрию к Третьему Рейху. В Чехословакии же население отнеслось к немецкой инсценировке негативно. Больше всего возмущения вызвал официальный немецкий плакат с картой Европы, так как на нем Судетская область уже была включена в состав Третьего Рейха. В

²²⁰ Alkemeyer, T. Körper, Kult und Politik: von der "Muskelreligion" Pierre de Coubertins zur Inszenierung von Macht in den Olympischen Spielen von 1936 / T. Alkemeyer - Frankfurt am Main: Campus-Verl., 1996. – S. 496-497.

²²¹ Жеребцова В.Б. Спортивные мега-события как механизм формирования имиджа государства / В.Б. Жеребцова // PR в международных отношениях. Прикладные аспекты / под редакцией Выходца Р.С. – СПб: «Экспертные решения», 2015. – С. 81-82.

²²² Mindt, E. Olympia 1936. Die XI. Olympischen Spiele Berlin und die IV. Olympischen Winterspiele Garmisch-Partenkirchen, Band I / E. Mindt - Berlin-Wilmersdorf: Sport und Spiel Verlags- und Vertriebs-GmbH, 1936. – S. 26.

Праге в ходе протестных беспорядков олимпийский факел даже потух на некоторое время.²²³

Чем ближе олимпийский огонь приближался к немецкой столице, тем очевиднее становилось политическое значение данного события. Олимпийские флаги чередовались со свастикой, олимпийский колокол и олимпийский стадион, толпы народа и профиль Гитлера должны были символизировать гармонию и единство, красоту и силу, античный миф и «молодую, новую Германию», народ и фюрера, национал-социалистический дух и олимпийский идеал.²²⁴

Обширная культурная программа началась еще до открытия Игр. В преддверии спортивных состязаний у гостей немецкой столицы была возможность посетить бесчисленные общественные и культурные мероприятия: конгрессы, концерты, художественные выставки, кинопоказы, оперы, оперетты и варьете. Гости Берлина были непрерывно заняты. Однако не только они одни имели возможность насладиться этим «спектаклем». Благодаря радио, первым телевизорам, еженедельным обзорам и иллюстрированной массовой прессе, свидетелем происходящего в Берлине смогла стать многомиллионная публика.²²⁵ Нужно отметить, что со своей стороны организаторы сделали все возможное, чтобы привлечь максимальное количество гостей в немецкую столицу, начиная от масштабной рекламы и заканчивая предоставлением иностранным туристам скидок на проживание и проезд как в Германию, так и внутри нее. Для берлинцев был предусмотрен свободный вход на те виды спорта, которые были в Германии незнакомы, или те, которые собирали мало зрителей.²²⁶

Одним из самых эффектных событий Олимпиады стала церемония открытия. Выход команд стал «армейским парадом»: под аккомпанемент прусского марша национальные сборные в одинаковой форме проходили колонной перед трибунами стадиона, где находились члены МОК, германской армии и Адольф Гитлер. В самом начале выходила сборная Греции, чтобы подчеркнуть связь с античностью. Наибольшее

²²³ Jüllig C. Der olympische Fackellauf / C. Jüllig // Deutsches Historische Museum. URL: <http://www.dhm.de/lemo/kapitel/ns-regime/innenpolitik/der-olympische-fackellauf.html> (дата обращения: 14.06.2017).

²²⁴ Reichel, P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus / P. Reichel - München: Carl Hensner Verlag, 1996. – S. 270.

²²⁵ Ibid., S. 268.

²²⁶ Mandell, R. Hitlers Olympiade. Berlin 1936 / R. Mandell – München: Wilhelm Heyne Verlag, 1980. – S. 87, 188-189.

впечатление произвел завершающий выход сборной Третьего Рейха во всем белом – цвете чистоты. Эта сцена связывала традиционный мотив зарождения, символику смерти и перерождения с актуальными событиями. Облаченные во все белое спортсмены стали непосредственным символом возрождения и национального перерождения «измученной кризисами» Германии.²²⁷

Во время Олимпиады спортсмены жили в олимпийской деревне, где организаторы сделали пребывание максимально комфортным и ориентированным на нужды отдельных команд. Американцы получили американские матрасы, швейцарцы и австрийцы – пуховые одеяла, японцы – маты для пола, для финнов была построена прекрасная сауна. Для каждой команды отдельно готовилась привычная спортсменам пища. Еще задолго до прибытия все спортсмены, тренеры и спортивные функционеры получили детальное описание условий проживания. Все было спланировано до мелочей. Таким образом, обеспечивая комфортное размещение и питание, новый режим в Германии стремился представить себя в лучшем свете.²²⁸

Иностранцам спортсменам повсюду уделялось особенное внимание. Журналисты даже получили указания о недостаточности освещения успехов спортсменов из других государств: «Некоторые газеты придавали слишком большое значение завоеванию бронзовой медали немецким спортсменом, в то время как завоевание золотой и серебряной медали спортсменами из других стран практически не освещали. На нас как принимающую сторону с полным правом могли бы пожаловаться иностранные участники, если бы подобное освещение соревнований стало бы общепринятым».²²⁹ Говоря об освещении немецких побед в СМИ, стоит отметить привлечение особого внимания к спортсменам-военным.²³⁰ До Олимпийских игр правительство Третьего Рейха уделяло особое внимание развитию спорта, агитации немецкой молодежи к занятию спортом. Результаты нацистской политики в области спорта ярко проявились на Олимпийских играх, где немецкие спортсмены одерживали победу за победой во многих видах спорта. В глазах иностранных гостей эти победы, как и Игры в целом, должны были предстать

²²⁷ Alkemeyer, T. Körper, Kult und Politik: von der "Muskelreligion" Pierre de Coubertins zur Inszenierung von Macht in den Olympischen Spielen von 1936 / T. Alkemeyer - Frankfurt am Main: Campus-Verl., 1996. – S. 419.

²²⁸ Mandell, R. Hitlers Olympiade. Berlin 1936 / R. Mandell – München: Wilhelm Heyne Verlag, 1980. – S. 88-90.

²²⁹ Bohrmann, H. NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Edition und Dokumentation, Bd.4/1936 / H. Bohrmann - München: K.G. Saur Verlag, 1993. – S. 881-882.

²³⁰ См. например: Friedlicher Wettkampf der Soldaten // Die Woche. Sondernummer Olympia 1936. August 1936. – S. 40.

результатом эффективной политики Третьего Рейха, победой, достоинством установившегося режима. После 1936 года, после окончания Олимпийских игр спортсмены стали рассматриваться прежде всего как будущие солдаты.

Тем не менее, в августе 1936 года на олимпийском стадионе, как и во всей столице, царил атмосфера праздника. Организаторам Игр удалось собрать в Берлине если не весь мир, то значительную его часть. Представители полусотни государств и 65 миллионов немцев присутствовали на Играх. Прежде всего это были Игры молодежи. Ни в одной стране мира значение воспитания молодежи как представителей будущего не осознавалось так, как в «новой Германии». На соревнованиях они защищали честь своего государства и боролись за медали, а потом присоединялись к всеобщему празднику.²³¹

Берлинские Игры вошли в историю также и как «праздник рекордов»: почти 4000 спортсменов соревновались в 129 дисциплинах, были установлены 41 олимпийский и 15 мировых рекордов. Неофициальный общекомандный зачет выиграла сборная Германии с 89 медалями, оставив далеко позади команды США и Венгрии. По словам Гитлера, Олимпийские игры принесли Третьему Рейху более полумиллиарда рейхсмарок.²³² Официальных данных по этому поводу нет, однако каким бы ни был финансовый выигрыш, для национал-социалистов он все равно стал лишь приятным сопутствующим эффектом. Главный успех олимпийского лета нельзя измерить в денежном эквиваленте. Большинство иностранных гостей остались под впечатлением от того, что увидели в национал-социалистическом Берлине. Адольфу Гитлеру и его правительству удалось представить Германию как миролюбивого и надежного партнера. Посол Франции в Берлине А. Франсуа-Понсе дал следующую оценку летним Олимпийским играм: «В истории нацистского режима праздничные мероприятия Олимпиады представляются апогеем, вершиной, если не апофеозом для Гитлера и Третьего Рейха».²³³

²³¹ Doerry, K. Olympische Spiele wie nie zuvor / K. Doerry // Die Woche. Sondernummer Olympia 1936. August 1936. – S. 64.

²³² Hilmes, O. Berlin 1936: sechzehn Tage im August / O. Hilmes - München: Siedler, 2016. – S. 256.

²³³ Цит. по: Hilmes, O. Berlin 1936: sechzehn Tage im August / O. Hilmes - München: Siedler, 2016. – S. 257.

3.4 Отражение событий Олимпиады в фильме «Олимпия»

С 1912 года МОК обязал все организационные комитеты задокументировать Олимпийские игры в виде фильма. Только в 1936 году немецкий организационный комитет решил сделать не просто документальный фильм, а полноценный художественный фильм об Олимпиаде. По словам режиссера Лени Рифеншталь «Олимпийские игры в фильме должны стать еще прекраснее, чем в действительности».²³⁴

И без того впечатляющая церемония открытия представляется в фильме своеобразным «мифическим прологом». На фоне руин храма в лучах утреннего света появляются статуи – греческие божества и олимпийские спортсмены, которые превращаются в германских метателей диска и копья, как будто бы они пробуждаются после многовекового сна. «Возрожденная античность» – так назвала эту сцену Рифеншталь, в то же время имея в виду вновь встающую на ноги Германию.²³⁵ В четырехчасовом фильме показаны фрагменты различных соревнований и жизнь спортсменов в олимпийской деревне.

Однако «Олимпия» была фильмом не только об Олимпийских играх, но и об олимпийской Германии. В отличие от «Триумфа воли» – первого масштабного фильма Лени Рифеншталь – в «Олимпии» на первый план выходит не политическая пропаганда, не представление режима, а именно культурная пропаганда через создание позитивного образа Германии. «Новая Германия» представлялась наследницей античной культуры, подчеркивалась связь нацистских принципов и традиций олимпизма. Был показан Берлин, огромный олимпийский стадион, построенный специально для Олимпиады, множество различных символов, приобретавших особое значение в контексте создания образа «возрожденной Германии».²³⁶

Больше всего поражает то, насколько нейтральным кажется фильм. Конечно, в фильме присутствует свастика и другие нацистские знаки. Однако то, как Рифеншталь показала в фильме Джесси Оуэнса и Сон Ки Джона, доказывает, что, как минимум, она была свободна от «расистского мрака нацистской иерархии». В фильме были показаны

²³⁴ Цит. по: Reichel, P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus / P. Reichel - München: Carl Hensner Verlag, 1996. – S. 269.

²³⁵ Reichel, P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus / P. Reichel - München: Carl Hensner Verlag, 1996. – S. 269.

²³⁶ Fiss, K. Grand Illusion: The Third Reich. The Paris Exposition and, the Cultural Seduction of France / K. Fiss – Chicago: University of Chicago Press, 2010. – P. 164-165.

победы не только немецких спортсменов, но и спортсменов из других стран, в некоторых случаях успехи немецких спортсменов намеренно преуменьшались. Зрителям во всем мире нравилось видеть любимых спортсменов на экране. С другой стороны, фильм подчеркивает особенный немецкий патриотизм, национальное единство немецких спортсменов. Спортсмены не только соперничают за индивидуальные достижения, но и борются за славу их нации.²³⁷ Так же, как и в «Триумфе воли» в «Олимпии» подчеркивались единство и сила немецкого народа.

Когда спустя два года работа над фильмом была закончена, его представили на суд критиков из разных стран, которые ни в коей степени не были близки к национал-социализму. Еще в 1936 году большая часть мира поверила в изменение убеждений нацистов. Впечатляющая организация и проведение Олимпиады усилили эту точку зрения. Но несколько месяцев спустя после выхода фильма, осенью 1938 года, ужасы «Хрустальной ночи», возобновление преследований по расовому признаку вновь доказали бесцеремонность Гитлера. На этом фоне вне Германии возрастали сомнения в правдивости показанного в фильме образа Германии.²³⁸ Несмотря на это, многие критики признали уникальность «Олимпии». Французские критики назвали фильм Лени Рифеншталь апогеем в истории кинематографа. На фестивале в Венеции «Олимпия» получила золотую медаль. Лени Рифеншталь приглашали в Италию для личной встречи с Муссолини и в СССР. В 1930е годы все, в особенности МОК, были настолько поражены художественной составляющей фильма, что не хотели замечать очевидного политического подтекста. Позитивные эмоции, вызванные фильмом, впоследствии формировали у зрителей позитивное впечатление и о самой Германии.²³⁹

3.5 Влияние берлинской Олимпиады на мировую общественность

Показателем эффективности «мягкой силы» является изменение настроений объектов в сторону поддержки целей или мероприятий субъекта «мягкой силы» или политического режима в целом. Воздействие Игр на внешний мир было весьма

²³⁷ Mandell, R. Hitlers Olympiade. Berlin 1936 / R. Mandell – München: Wilhelm Heyne Verlag, 1980. – S. 240-241.

²³⁸ Ibid., S. 241.

²³⁹ Fiss, K. Grand Illusion: The Third Reich. The Paris Exposition and, the Cultural Seduction of France / K. Fiss – Chicago: University of Chicago Press, 2010. – P. 164-165.

ограниченным. Несмотря на то, что иностранная пресса в большинстве своем хвалила превосходную подготовку и проведение Игр, ожидаемый политический эффект не наступил. Те, кто и до Олимпиады критично относились к режиму, в основном, остались при своем мнении, так и не позволив ввести себя в заблуждение. Иностранные корреспонденты, отрицательное относившиеся к установившемуся в Германии режиму и поддерживавшие до начала Игр движение за бойкотирование Олимпиады, остались при своем мнении и показывали негативные стороны берлинских Игр.²⁴⁰ Нельзя было бы ожидать, что за две недели олимпийских игр нацистское правительство получит полную всемирную поддержку и одобрение своей политики.

Тем не менее, Олимпийские игры стали площадкой для коммуникации, где борьба велась не только за олимпийские награды, но и за национальный престиж и геополитическое признание государств. Положительный эффект «мягкой силы» (то есть привлекательность, формирование позитивного имиджа государства) может быть достигнут только в процессе коммуникации, которая имеет решающее значение. В течение шестнадцати дней у нацистского правительства была возможность представить всему миру новую Германию.²⁴¹ В августе 1936 года в немецкой столице собрались не только спортсмены из полусотни стран, но и многочисленные государственные деятели, целью которых было составить впечатление о состоянии международных связей Третьего Рейха и симпатиях, которые новому режиму уже удалось завоевать в мире. «XI Олимпийские игры предоставили Гитлеру разведать чувства других наций, подсчитать своих друзей, оказать давление на сомневающихся, проявить себя как верховный хозяин порядка и европейской цивилизации и продемонстрировать всем присутствующим нациям спектакль дисциплины, солидарности и собственной власти».²⁴²

Национал-социалистическому правительству, как минимум, удалось расположить к себе МОК и на некоторое время ослепить мировое сообщество и смягчить эффект проведения агрессивной внешней политики. Внимание, прежде всего, было направлено на происходящее на Олимпийских играх, что позволило нацистскому правительству незаметно для мировой общественности возвести летом 1936 года концлагерь

²⁴⁰ Krüger, A. Die Olympischen Spiele und die Weltmeinung. Ihre außenpolitische Bedeutung unter besonderer Berücksichtigung der USA / A. Krüger - Berlin u.a., 1972. – S. 41.

²⁴¹ Burchell K. Soft Power and its audiences: Tweeting the Olympics from London 2012 to Sochi 2014 / K. Burchell // Participations. Journal of Audience & Reception Studies. - 2015. Vol. 12, Issue 1. – P. 421.

²⁴² Bajohr F. Strupp C. Fremde Blicke auf das „Dritte Reich“. Berichte ausländischer Diplomaten über Herrschaft und Gesellschaft in Deutschland 1933-1945 / F. Bajohr, C. Strupp - Göttingen: Wallstein Verlag, 2011. – S. 462.

Заксенхаузен совсем не далеко от Берлина.²⁴³ Однако МОК закрывал на это глаза и предпочел придерживаться девиза, произнесенного президентом Американского национального олимпийского комитета Э. Брендеджем: «Игры должны продолжаться».²⁴⁴

Благодаря блестящей организации Игр Германии удалось создать атмосферу всеобщего праздника и видимость примиренной Европы, которая решает свои споры в беговых состязаниях, прыжках в длину, метании копья и других спортивных состязаниях. Национал-социалистам удалось представить Берлин и Третий Рейх в лучшем свете. Благодаря проведению Игр Германия смогла громко заявить о себе на международной арене. «Мировая общественность видела только то, что хотела видеть, и позволила впечатлить себя вложенными в подготовку Олимпиады огромными финансовыми вложениями, строительными и организационными успехами, а также сопровождавшими ее миролюбивыми обертонами».²⁴⁵

Наибольшее впечатление Олимпиада произвела на Международный Олимпийский комитет. 9 июня 1939 года МОК вновь передал право проведения Олимпийских игр 1940 года Гармиш-Партенкирхен, так как Япония, которая должна была принимать Игры, объявила войну Китаю и была названа страной-агрессором. Германия получила право проведения Игр даже несмотря на присоединение Австрии, ноябрьские погромы и оккупацию Праги немецкими войсками. МОК жаждал повторения берлинского олимпийского чуда.²⁴⁶ Э. Брендедж, ставший впоследствии президентом МОК, 23 мая 1959 года назвал Олимпийские игры 1936 года «великой победой олимпийской идеи»²⁴⁷.

²⁴³ Hilmes, O. Berlin 1936: sechzehn Tage im August / O. Hilmes - München: Siedler, 2016. – S. 115.

²⁴⁴ Reichel, P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus / P. Reichel - München: Carl Hensner Verlag, 1996. – S. 268.

²⁴⁵ Ibid., S. 265.

²⁴⁶ Eckhardt, F. Olympia im Zeichen der Propaganda – Wie das NS-Regime die ersten Medienspiele inszenierte / F. Eckhardt // Medien im Nationalsozialismus. - Paderborn: Schöningh, 2010. – S. 251.

²⁴⁷ Alkemeyer, T. Körper, Kult und Politik: von der “Muskelreligion” Pierre de Coubertins zur Inszenierung von Macht in den Olympischen Spielen von 1936 / T. Alkemeyer - Frankfurt am Main: Campus-Verl., 1996. – S. 50.

Заключение

В основу работы было положено понимание «мягкой силы» как способности влиять на глобальный мир путем создания привлекательного образа, распространения своих ценностей, убеждений и представлений о действительности. Основными источниками «мягкой силы» согласно Дж. Наю, являются привлекательность культуры, внешней политики, политических ценностей и институтов. Проанализировав политику Третьего Рейха, мы пришли к выводу, что создание привлекательного образа «новой Германии» и презентация установившегося режима на международной арене являлись одними из задач внешней политики государства. Таким образом, можно говорить об использовании «мягкой силы» национал-социалистами.

В политической науке термин «мягкая сила» обычно употребляется только в отношении демократических государств. Говоря о Третьем Рейхе, используется термин «пропаганда». Изначально нейтральный термин «пропаганда» только в XX веке приобрел свое негативное значение, которое наблюдается до сих пор. Однако по своей сути, используемым инструментам и механизму воздействия пропаганда является частью «мягкой силой» как способ распространения информации.

Ключевым понятием в концепции Дж. Ная является «привлекательность». Исходя из положения Третьего Рейха на международной арене и первостепенных внешнеполитических задач нового режима можно сделать вывод, что для национал-социалистического правительства было важно не допустить изоляции нового режима, создать привлекательный образ «новой Германии», наглядно продемонстрировать международному сообществу беспочвенность обвинений в проведении агрессивной внутренней политики. Для решения данных задач национал-социалисты использовали в своей внешней политике инструменты «мягкой силы».

Мы выделили несколько основных целей «мягкой силы», используемой Третьим Рейхом. Во-первых, репрезентация режима и демонстрация силы государства для привлечения союзников. Во-вторых, осведомление других стран о миролюбии нацистского режима. В-третьих, изоляция враждебно настроенных государств и раскол союзов, которые могли бы быть опасны для Германии (активная антианглийская

пропаганда с 1938 года). В-четвертых, восстановление имиджа немцев как «культурной нации», основательно подорванного Первой мировой войной. В-пятых, восстановление потерянных после Первой мировой войны геополитических позиций Германии на международной арене.

Германия должна была предстать мощным государством, возрожденным после войны, революции, политических и экономических кризисов. Немецкий народ должно было отличать единство под властью Гитлера ("Ein Volk. Ein Führer. Ein Reich - Deutschland"). Для создания привлекательного образа «новой Германии» правительство Третьего Рейха использовало различные инструменты, в том числе программы обмена в сфере науки и культуры, фильмы о Третьем Рейхе, открывало немецкие школы за рубежом.

Для распространения среди зарубежной общественности знания о «новой Германии» национал-социалисты использовали радио и средства массовой информации. Кроме того, площадкой для коммуникации, местом, где нацистское правительство получило возможность продемонстрировать «возрожденную» Германию, стали Олимпийские игры в Берлине. Для того, чтобы о новой Германии узнали все, были использованы новейшие технические средства. Благодаря чему Германия предстала на мировой арене как индустриальная страна, быстро развивающаяся экономически и использующая новейшие технические разработки. Необходимо также отметить, что СМИ были не только фильтром, через который до зрителя доходили заранее определенные идеи. Благодаря тому, что правительство приложило все усилия, чтобы СМИ так или иначе окружали жителей и гостей столицы практически везде, они служили для мгновенного распространения и утверждения этих идей, а также для их создания.

Германии, быстро развивавшейся экономически, была необходима интенсификация внешнеэкономических отношений, завоевание новых торговых партнеров. Для этого правительство Третьего Рейха концентрировалось на представлении новейшей высококачественной техники, произведенной в Германии. Немецкая продукция выставлялась на крупных международных выставках. Кроме того, техническое превосходство немцев проявилось в использовании самого современного оборудования на Олимпийских играх в Берлине. Таким образом создавался образ «новой Германии», который должен был привлечь другие государства к сотрудничеству.

Несмотря на то, что Дж. Най писал о привлекательности демократических ценностей, любые политические идеи и ценности могут стать привлекательными для определенной аудитории. Антидемократические идеи Гитлера и жесткая антисемитская политика были привлекательны для Южной и Юго-Восточной Европы, антиколониализм – в Арабском мире. То, как быстро Третьему Рейху удалось преодолеть экономический и политический кризис рубежа 1920-1930х годов вызывало интерес и во Франции. В данном случае нужно отметить особенность «мягкой силы». она оказывает воздействие на более слабые государства. Наибольшего успеха «мягкая сила» Третьего Рейха достигла в тех странах, которые в своем экономическом и политическом развитии стояли на ступень ниже Германии. Ведущие мировые державы – Великобритания, США – были лишь «ослеплены прекрасным блеском» берлинской Олимпиады, однако серьезно воздействовать на общественное мнение этих государств не удалось.

Список использованных источников и литературы

Источники:

1. Най, Дж. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике / Дж. Най - М.: Фонд социо-прогностических исследований, 2006. – 224 с.
2. Bohrmann, H. NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Edition und Dokumentation, Bd.4/1936 / H. Bohrmann – München: K.G. Saur Verlag, 1993. – 830 S.
3. Boris Johnson compares Russian World Cup to Hitler's 1936 Olympics // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/football/2018/mar/21/boris-johnson-compares-russian-world-cup-to-hitlers-1936-olympics> (дата обращения: 03.05.2018).
4. Coubertin, P. Der Olympische Gedanke. Reden und Aufsätze / P. Coubertin – Köln: Olympischer Sport-Verlag, 1969. – 167 S.
5. Die Woche. Sondernummer Olympia 1936. August 1936.
6. Erlaß über die Errichtung des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda (13. März 1933) // Verfassungen der Welt. URL: <http://www.verfassungen.de/de/de33-45/propaganda33-2.htm> (дата обращения: 1.03.2018).
7. Goebbels, J. Rede vor der Presse über die Errichtung des Reichspropagandaministeriums (15. März 1933) / J. Goebbels // Deutsche Geschichte in Dokumenten und Bildern. URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=1579&language=german (дата обращения: 1.03.2018).
8. Goebbels, J. Ansprache an die Intendanten und Direktoren der Rundfunkgesellschaften, Berlin, Haus des Rundfunks (25. März 1933) / J. Goebbels // Deutsche Geschichte in Dokumenten und Bildern. URL: http://germanhistorydocs.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=1579&language=german (дата обращения: 1.03.2018).
9. Hitler, A. Mein Kampf / A. Hitler – München: Eher, 1936. – 781 S.
10. Nye, J. Bound to lead: The changing nature of American power / J. Nye - NY: Basic books, 1990. – 336 p.
11. Nye, J. Limits of American power / J. Nye // Political Science Quarterly. - 2002/2003. №117, 4. – P. 545-559
12. Nye, J. Soft Power / J. Nye // Foreign Policy. - 1990. №80. – P. 153-171.

13. Nye, J. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. Nye - NY: Public Affairs, 2004. – 208 p.
14. Nye, J. The Future of Power / J. Nye - NY: Public Affairs, 2011 – 320 p.
15. Professor Joseph S. Nye, Harvard Kennedy University – Oral evidence (QQ 176-186) // Soft Power and the UK's Influence Committee Oral and written evidence – Volume 2, 2014. URL: <http://www.parliament.uk/documents/lords-committees/soft-power-uk-influence/SoftPowerEvVol2.pdf> (дата обращения: 19.02.2017) – P. 747-760.
16. Verordnung über die Aufgaben des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda (30. Juni 1933) // Verfassungen der Welt. URL: <http://www.verfassungen.de/de/de33-45/propaganda33.htm> (дата обращения: 1.03.2018).

Литература:

1. Астафьева, Е.М. «Жесткое» влияние «Мягкой силы» / Е.М. Астафьева // ЮБА: актуальные проблемы развития. - 2009. №12. – С. 17-28.
2. Ватлин, А.Ю. Германский МИД и подготовка берлинской Олимпиады 1936 года / А.Ю. Ватлин // Новая и новейшая история. - 2016. №4. – С. 28-45.
3. Глинчикова, Л.А. Развитие олимпийского движения в начале XX века в Германии / Л.А. Глинчикова // Вестник Балтийского федерального университета им. Канта. - 2015. №11. – С. 115-120.
4. Давыдов, Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений / Ю. Давыдов // Международные процессы. - 2004. Том 2, №1 (4). – С. 20-24.
5. Есипов, В.В., Кузнецов С.И. Культурная политика в Третьем Рейхе в предвоенные годы (1935-1939) / В.В. Есипов // Известия Иркутского государственного университета. Том 14. - 2015. – С. 18-26.
6. Зверев, А.И. Некоторые вербальные и невербальные особенности политического дискурса Германии времен Третьего Рейха / А.И. Зверев // Политическая лингвистика. - 2013. №2 (44). – С. 85-91.
7. Лебедева, М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО. - 2017. №3 (54). – С. 212-223.
8. Лебедева, М.М. Рустамова Л.Р. Шарко М.В. «Мягкая сила»: темная сторона (на примере Германии) / М.М. Лебедева, Л.Р. Рустамова, М.В. Шарко // Вестник МГИМО. - 2016. №3 (48). – С. 144-153.

9. Леонова, О.Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния / О.Г. Леонова // Обозреватель-Observer. - 2014. №3. – С. 18-28.
10. Огнева, А.В. Германские школы за рубежом как инструмент внешней культурной политики ФРГ / А.В. Огнева // Вестник Томского государственного университета - 2011. №351. – С. 96-99.
11. Панарин, И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны / И.Н. Панарин - М.: Поколение, 2012. – 260 с.
12. Панова, Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой власти» в мировой политике / Е.П. Панова // Вестник МГИМО Университета. - 2010. № 4. – С. 91-97.
13. Паршин, П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия / П.Б. Паршин // Вестник МГИМО Университета. - 2014. №2 (35). – С. 14-21.
14. Пименова, Е.В. Закат «мягкой силы»? Эволюция теории и практики Soft Power / Е.В. Пименова // Вестник МГИМО-Университета. - 2017. №1 (52). – С. 57-66.
15. Пленков, О.Ю. Третий Рейх. Нацистское государство / О.Ю. Пленков - СПб: Нева, 2004. – 480 с.
16. PR в международных отношениях. Прикладные аспекты / Под редакцией Выходца Р.С. - СПб: «Экспертные решения», 2015. – 192 с.
17. Радиков, И. Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы / И. Радиков, Я. Лексютина // Мировая экономика и международные отношения. - 2012. № 2. – С. 68-74.
18. Русакова, О.Ф. Концепт «мягкой» силы в современной политической философии / О.Ф. Русакова // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. - 2010. №10. – С. 173-192.
19. Русакова, О.Ф. Методологические проблемы категориального и инструментального анализа soft power / О.Ф. Русакова // Научный журнал «Дискурс-Пи». - 2014. №1 (14). – С. 68-74.
20. Санжиева, Л.Б. Иностранцы корреспонденты в Третьем Рейхе / Л.Б. Санжиева // Власть. - 2012. №7. – С. 99-101.
21. Soft Power: теория, ресурсы, дискурс. / Под ред. О.Ф. Русаковой. - Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2015. – 375 с.
22. Тайхлер Х.Й. Кубертен и Третий Рейх. О предыстории неопубликованного письма Кубертена Гитлеру (1937) / Х.Й. Тайхлер // Философско-литературный журнал Логос. - 2009. № 4-5 (72). – С. 136-176.

23. Фененко, А.В. Реальность и мифы «мягкой силы» / А.В. Фененко // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7167#top-content (дата обращения: 23.02.2017).
24. Хартвелл К. Майкл Б. Нуреев Б. «Мягкая сила» - палка о двух концах? // BRICS Business Magazine. URL: <https://bricsmagazine.com/ru/articles/myagkaya-sila-palka-o-dvuh-kontsah> (дата обращения: 23.02.2017).
25. Шерстюков, С.А. Пропаганда нацистской Германии в арабском мире накануне и в годы Второй мировой войны / С.А. Шерстюков // Известия АлтГУ. - 2010. №4-3. – С. 236-240.
26. Эванс, Р. Третий рейх. Дни триумфа: 1933-1939 / Р. Эванс - М.: Астрель, 2010. – 958 с.
27. Abelein, M. Die Kulturpolitik des Deutschen Reiches und der Bundesrepublik Deutschland / M. Abelein - Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 1968. – 312 S.
28. Alkemeyer, T. Körper, Kult und Politik: von der “Muskelreligion” Pierre de Coubertins zur Inszenierung von Macht in den Olympischen Spielen von 1936 / T. Alkemeyer - Frankfurt am Main: Campus-Verl., 1996. – 544 S.
29. Alkemeyer, T. Richartz A. The Olympic Games: From Ceremony to Show / T. Alkemeyer, A. Richartz // Olympika. The International Journal of Olympic Studies. - London: Thames Hall. – 1993. Volume II. – S. 79-90.
30. Bajohr F. Strupp C. Fremde Blicke auf das „Dritte Reich“. Berichte ausländischer Diplomaten über Herrschaft und Gesellschaft in Deutschland 1933-1945 / F. Bajohr, C. Strupp - Göttingen: Wallstein Verlag, 2011. – 600 S.
31. Barnett, M. Duvall R. Power in international politics / M. Barnett, R. Duvall // International organization - 2005, №59. – P. 40-41.
32. Bell, D. War, Peace, and China's Soft Power: A Confucian Approach / D. Bell // Diogenes. - 2009. Vol. 56, №1. – P. 26-40.
33. Bellers, J. Presse, Außenpolitik und Olympische Spiele 1936 / J. Bellers - Siegen: Univ., 2012. – 21 S.
34. Bially Mattern, J. Representational Force Meets ‘Real’-ist Force: Thoughts on the relationship between linguistic and material forms of coercion/ J. Bially Mattern. URL: <http://www.afsp.msh-paris.fr/congres2007/tables rondes/textes/tr6sess3biallymattern.pdf> (дата обращения: 19.02.2017).

35. Bially Mattern, J. Why soft power isn't so soft? / J. Bially Mattern // *Millennium: Journal of International Studies*. - 2005. Vol.33. – P. 583-612.
36. Boelcke, W.A. Die Macht des Radios. Weltpolitik und Auslandsrundfunk 1924-1976 / W.A. Boelcke - Frankfurt am Main: Ullstein, 1977. – 703 S.
37. Bohrmann, H. NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Edition und Dokumentation, Bd.4/1936 / H. Bohrmann - München: K.G. Saur Verlag, 1993. – 830 S.
38. Bollmus, R. Das Amt Rosenberg und seine Gegner: Studien zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem (Studien zur Zeitgeschichte, Band 1) / R. Bollmus - München: Oldenbourg, 2006. – 375 S.
39. Bracher, K. D. Die nationalsozialistische Machtergreifung: Studien zur Errichtung des totalitären Herrschaftssystems in Deutschland 1933/1934 / K.D. Bracher - Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1962. – 1034 S.
40. Burchell, K. Soft Power and its audiences: Tweeting the Olympics from London 2012 to Sochi 2014 / K. Burchell // *Participations. Journal of Audience & Reception Studies*. - 2015. Vol. 12, Issue 1. – P. 413-437.
41. Carr, E.H. The Twenty Years' Crisis, 1919-1939 / E.H. Carr - London: Macmillan, 1940. – 312 p.
42. Crone, M. Hilversum unter dem Hakenkreuz: die Rundfunkpolitik der Nationalsozialisten in den besetzten Niederlanden / M. Crone - München: Saur, 1983. – 327 S.
43. Dafinger, J. Student and Scholar Mobility between Nazi Germany and Southern/Southeastern Europe / J. Dafinger // *Nazi Germany and Southern Europe, 1933-1945. Science, Culture, Politics* / ed.: F. Clara, C. Ninhos - Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 52-67.
44. Dayan D. Beyond media events: disenchantment, derailment, and disruption / D. Dayan // *Media events in a global age* – New York: Routledge, 2010. – P. 23-31.
45. Dinckal, N. Detlev M. Deutsche Wissenschaft und chinesische Geisteskultur / N. Dinckal, M. Detlev // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft*. - 2012. №9. – S. 697-714.
46. Eckhardt, F. Olympia im Zeichen der Propaganda – Wie das NS-Regime die ersten Medienspiele inszenierte / F. Eckhardt // *Medien im Nationalsozialismus*. - Paderborn: Schöningh, 2010. – S. 235-251.
47. Emmerich, A. Olympia 1936: trügerischer Glanz eines mörderischen Systems / A. Emmerich - Köln: Fackelträger-Verl., 2011. – 281 S.

48. Fan, Y. Soft Power: Power of attraction or confusion? / Y. Fan // *Place Branding and Public Diplomacy*. - 2008. Vol. 4, №2. – P. 147-158.
49. Ferguson, N. Thinking again: Power / N. Ferguson // *Foreign Policy* URL: <http://foreignpolicy.com/2009/11/03/think-again-power/> (дата обращения: 23.02.2017).
50. Fiss, K. *Grand Illusion: The Third Reich. The Paris Exposition and, the Cultural Seduction of France* / K. Fiss - Chicago: University of Chicago Press, 2010. – 296 p.
51. Fiss, K. In *Hitler's Salon: The German Pavilion at the 1937 Paris Exposition Internationale* / K. Fiss // *Art, Culture and Media under the Third Reich* / ed.: R.A. Etlin - Chicago: University of Chicago Press, 2002. – P. 316-343.
52. Föllmer, M. «Ein Leben wie im Traum»: Kultur im Dritten Reich / M. Föllmer - München: C.H. Beck, 2016. – 288 S.
53. Fuhrer, A. *Hitlers Spiele: Olympia 1936 in Berlin* / A. Fuhrer - Berlin: be.bra, 2011. – 160 S.
54. Gallarotti, G.M. Saudi Arabia's Soft Power / G. Gallarotti // *International Studies*. - 2014. Vol. 49, №3-4. – P. 233-261.
55. Gallarotti, G.M. Soft Power: What it is, Why it's Important, and the Conditions Under Which it Can Be Effectively Used / G.M.Gallarotti // *Division II Faculty Publications. Paper 57*. URL: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/57> (дата обращения: 5.12.2016).
56. Gebauer, G. Sport – die dargestellte Gesellschaft / G. Gebauer // *Paragrana. Kulturen des Performativen*, Bd. 7. Heft 1. - Berlin: Akademie-Verlag, 1998. – S. 223-240.
57. Gebauer, G. Körper- und Einbildungskraft. Inszenierungen des Helden im Sport / G. Gebauer - Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1988. – 235 S.
58. Gesche, K. *Kultur als Instrument der Außenpolitik totalitärer Staaten* / K. Gesche - Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2006. – 416 S.
59. Gray, C.S. *Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force As an Instrument of Policy in the 21st Century* / C.S. Gray - Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. - 2011. – P. 47-48.
60. Gross, S.G. *Export Empire: German Soft Power in Southeastern Europe, 1890-1945* / S.G. Gross - Cambridge: Cambridge University Press, 2016. – 398 p.
61. Grothe, E. Die Olympischen Spiele von 1936 – Höhepunkt der NS-Propaganda? / E. Grothe // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. - 2008. №5/6. – S. 291-307.
62. Guzzini, S. The concept of soft power: a constructivist analysis / S. Guzzini // *Millennium: Journal of International Studies*. - 2005. Vol.33, №3. – P. 495-521.

63. Henssler, V. «Für die Propaganda nach dem Orient ist bei weitem die wirksamste Waffe der Rundfunk». NS-Auslandspropaganda in den Nahen Osten und Nordafrika / V. Henssler // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. - 2011. №7/8. – S. 920-937.
64. Herzer, M. Auslandskorrespondenten und auswärtige Pressepolitik im Dritten Reich / M. Herzer - Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2012. – 306 S.
65. Hilmes, O. Berlin 1936: sechzehn Tage im August / O. Hilmes - München: Siedler, 2016. – 304 S.
66. Hoffmann, H. «Und die Fahne führt uns in die Ewigkeit»: Propaganda im NS-Film. - Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuchverl., 1991. – 256 S.
67. Holmes, J. Olympiad 1936: Blaze of glory for Hitler's Reich / J. Holmes - NY: Ballantine, 1971. – 160 p.
68. Höpel, T. Kulturpolitik als Werkzeug nationalsozialistischer Hegemonie und Germanisierung im Generalgouvernement. // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. - 2015. №2. – S. 146-166.
69. Impekoven, H. Deutsche Wissenschaft von außen beurteilt – Überlegungen zur Attraktivität deutscher Universitäten und Hochschulen für ausländische Wissenschaftler und Studenten (1933-1945) / H. Impekoven // Universitäten und Studenten im Dritten Reich - Berlin: LIT Verlag, 2008. – S. 161-180.
70. Impekoven, H. Die Alexander von Humboldt-Stiftung und das Ausländerstudium in Deutschland 1925-1945 / H. Impekoven - Göttingen: V&R unipress, 2013. – 522 S.
71. Joffe, J. The perils of soft power / J. Joffe // The New York times. May 14, 2006. URL: http://www.nytimes.com/2006/05/14/magazine/14wwln_lede.html?_r=0 (дата обращения: 25.03.2017).
72. Jüllig, C. Der olympische Fackellauf / C. Jüllig // Deutsches Historische Museum. URL: <http://www.dhm.de/lemo/kapitel/ns-regime/innenpolitik/der-olympische-fackellauf.html> (дата обращения: 14.06.2017).
73. Kinkel, L. Die Scheinwerferin: Leni Riefenstahl und das Dritte Reich / L. Kinkel - Hamburg: Europa-Verl., 2002. – 380 S.
74. Knopp, D. NS-Filmpropaganda: Wunschbild und Feindbild in Leni Riefenstahls «Triumph des Willens» und Veit Harlans «Jud Süß» / D. Knopp - Marburg: Tectum-Verl., 2004. – 100 S.

75. Kobierecki M.M. Sport in international Relations. Expectations, possibilities and effects / M.M. Kobierecki // *International Studies. Interdisciplinary political and cultural journal*. - 2013. Vol. 15, №1. – P. 49-74.
76. Kounalakis, M. Simonyi A. The Hard Truth about Soft Power / M. Kounalakis, A. Simonyi // *CPD Perspectives on Public Diplomacy*. - 2011, Paper 5. – 49 p.
77. Koutsoukou, F. Die deutsche Kulturpolitik in Griechenland in der Zeit des Nationalsozialismus (1933-1944) / F. Koutsoukou - Berlin: Metropol Verlag, 2008. – 294 S.
78. Kramer S. Versuch über den Propagandafilm: zu Leni Riefenstahls Dokumentarfilmen aus den dreißiger Jahren. // *Riefenstahl revisited*. - München: Fink, 2009. – S. 71-99.
79. Kretschner, W. Geschichte der Weltausstellungen / W. Kretschner – Frankfurt am Main: Campus Verlag, 1999. – 303 S.
80. Krüger, A. Die Olympischen Spiele und die Weltmeinung. Ihre außenpolitische Bedeutung unter besonderer Berücksichtigung der USA / A. Krüger - Berlin u.a., 1972. – 255 S.
81. Krüger A. Murray W. The nazyolympics. Sport, politics and appeasement in the 1930s / A. Krüger, W. Murray - Champagne: University of Illinois Press, Urbana and Chicago, 2003. – 280 p.
82. Layne, Ch. The Unbearable Lightness of Soft Power / Ch..Layne // *Soft power and US foreign policy: theoretical, historical and contemporary perspectives*. - NY and London: Routledge. – P. 51-82.
83. Life in a German concentration camp for political opponents of the Nazis // *The Illustrated London News*. 10.02.1934. // Lesemappe «Konzentrationslager Dachau 1933 bis 1945».
84. Manzenreiter, W. The Beijing Games in the Western Imagination of China: The Weak Power of Soft Power / W. Manzenreiter // *Journal of Sport and Social Issues*. - 2010. №34(1). – P. 29–48.
85. Mandell, R. Hitlers Olympiade. Berlin 1936 / R. Mandell – München: Wilhelm Heyne Verlag, 1980. – 268 S.
86. Matlary, J.H. When Soft Power Turns Hard: Is an EU Strategic Culture Possible? / J.H. Matlary // *Security Dialogue*. - 2006. Vol. 37, №1. – P. 105-121.
87. Melissen, J. Wielding Soft Power: The New Public Diplomacy / J. Melissen. – The Hague: Clingendael, 2005. – 31 p.

88. Mindt, E. Olympia 1936. Die XI. Olympischen Spiele Berlin und die IV. Olympischen Winterspiele Garmisch-Partenkirchen, Band I / E. Mindt - Berlin-Wilmersdorf: Sport und Spiel Verlags- und Vertriebs-GmbH, 1936. – 331 S.
89. Nygard, H.M. Soft power at home and abroad: Sport diplomacy, politics and peace-building / H.M. Nygard // International Area Studies Review. - №16(3) – P. 235–243.
90. Reichel, P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus / P. Reichel - München: Carl Hensner Verlag, 1996. – 560 S.
91. Reinhard, R. 1936: die Olympischen Spiele und der Nationalsozialismus; eine Dokumentation / R. Reinhard - Berlin : Argon-Verl., 1996 – 248 S.
92. Rentschler E. The ministry of illusion: Nazi cinema and its afterlife / E. Rentschler - Cambridge: Harvard Univ. Press, 1998. – 480 p.
93. Rippon, A. Hitler's Olympics: the story of the 1936 Nazi Games / A. Rippon - Barnsley : Pen & Sword Military, 2006. – 224 p.
94. Roselle, L. Miskimmon A. O'Loughlin B. Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power / L. Roselle, A. Miskimmon, B. O'Loughlin // Media, War & Conflict. - 2014. Vol. 7(1). – P. 70-84.
95. Ruppert, W. Nationalsozialistische Kulturpolitik / W. Ruppert // Das Dritte Reich und die Musik. - 2006. – P. 87-92.
96. Schäfer, H. D. Das gesplittete Bewusstsein: über deutsche Kultur und Lebenswirklichkeit 1933-1945 / H.D. Schäfer - Frankfurt am Main: Ullstein, 1984. – 256 S.
97. Schlüter, D. Vom Kampfblatt zur Staatspropaganda: Die auswärtige Pressearbeit der NSDAP dokumentiert am Beispiel der NS-Wochenzeitschrift 'Westküsten-Beobachter' aus Chile (Formen der Erinnerung) / D. Schlüter - Göttingen: V&R unipress, 2016. – 262 S.
98. Schormann, C. «Mittler zu sein zwischen Realem und Irrealem»: Herbert Windt und Leni Riefenstahl / C. Schormann // Riefenstahl revisited. - München: Fink. – 2009. – S. 137-149.
99. Shore, Z. What Hitler knew: the battle for information in Nazi foreign policy / Z. Shore - Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. – 184 p.
100. Skor, H. «Brücken über den Rhein» Frankreich in der Wahrnehmung und Propaganda des Dritten Reiches, 1933-1939 / H. Skor - Essen: Klartext, 2011. – 461 S.
101. Solomom, T. The affective underpinnings of soft power / T. Solomon // European Journal of International Relations. - 2014. Vol. 20(3). – P. 720–741.
102. Stoop, P. Niederländische Presse unter Druck. Deutsche auswärtige Politik und die Niederlande 1933-1940 / P. Stoop - München: KG Saur Verlag, 1987. – 453 S.

103. Teichler, H.J. Internationale Sportpolitik im Dritten Reich / H.J. Teichler -Schorndorf: Hoffmann-Verlag, 1991. – 398 S.
104. Treverton, G.F., Jones, S.G. Measuring national power / G.F. Treverton, S.G. Jones // Conference Proceedings, National Security Research Division. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/conf_proceedings/2005/RAND_CF215.pdf (дата обращения: 19.03.2018).
105. Trimborn, J. Riefenstahl / J. Trimborn - Berlin: Aufbau Verlag, 2002. – 600 S.
106. Tutt, A. Ausländerbetreuung an der Universität Heidelberg von 1928 bis 1938: Das Akademische Auslandsamt und die Vergangenheit : Bachelorarbeit / A. Tutt. - Heidelberg, 2012. – 44 S.
107. Vollrath, A. Olympia bewegt. Zur Inszenierung kollektiver Identität am Beispiel der Olympischen Spiele von Sydney 2000 : doctoral thesis / A. Vollrath. - Sydney, 2007. – 363 S.
108. Von Anfang an // DAAD. URL: <https://www.daad.de/der-daad/ueber-den-daad/portrait/de/32996-von-anfang-an/> (дата обращения: 30.03.2018).
109. Vuving, A. How Soft Power Works / A.Vuving // American Political Science Association annual meeting. - 2009. №3. – 20 p.
110. Wagner, C. India's Soft Power: Prospects and Limitations / C. Wagner // India Quarterly: A Journal of International Affairs. - 2010. Vol. 66, №4. – P. 333-342.
111. Waibel, J. Die deutschen Auslandsschulen – Materialien zur Außenpolitik des Dritten Reiches : doctoral thesis / J. Waibel - Frankfurt an der Oder, 2010. – 477 S.
112. Widmann, P. Hochamt des Führerkults: Leni Riefenstahls «Triumph des Willens» als Inbegriff der NS-Filmpropaganda / P. Widmann // Zeitungszeugen: 1933-1945. - London: Albertas Limited, 2009.
113. Wildmann, D. Begehrte Körper: Konstruktion und Inszenierung des «arischen» Männerkörpers im Dritten Reich / D. Wildmann - Würzburg: Königshausen&Neumann, 1998. – 160 S.